

МАРИЯ КАМАРДИНА

НАТАЛИ СМИТ

РОЗА
ЧЁРНОГО
РЫЦАРЯ

Мария Камардина

Натали Смит

Роза чёрного рыцаря

Серия «Драконы и дирижабли», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69872536

SelfPub; 2024

Аннотация

У Амели есть старый грузовой дирижабль, навигационные карты и попугай с мерзким характером. Чтобы поправить дела, она берётся перевезти неприятных пассажиров сложным маршрутом – а оказывается в центре расследования опасных драконьих секретов и кошмаров собственного прошлого. Удивительные артефакты, воздушные пираты, драконы и русалки – во что, чёрт побери, втянул её старый друг отца?! У Ника есть надёжная команда, два чемодана взрывчатки в багаже и широкие полномочия в деле по розыску дракона-отступника. Чтобы задать вопросы драконьей Королеве, он отправляется в путешествие на дирижабле – и некоторые ответы плотно связаны с хозяйкой этого старого корыта. Магические бури, подводные лаборатории, яды и взрывы – и что, чёрт побери, опять творит эта девчонка?!

Содержание

Глава 1. Дракон треугольной башни	4
Глава 2. Нежданная компания	16
Глава 3. Как прекрасно грузить гробы на рассвете	32
Глава 4. Не все любят драконов	46
Глава 5. Метеорология и магия	59
Глава 6. Дракон не в своей тарелке	71
Глава 7. Пигалица и штурвал	85
Глава 8. С её стороны, с его стороны	106
Глава 9. О галлюцинациях	119
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Натали Смит, Мария Камардина Роза чёрного рыцаря

Глава 1. Дракон треугольной башни

Дорога выбегала из леса на широкую поляну и упиралась в башню из потемневшего кирпича – массивную, треугольную в основании, в пять этажей высотой. Никаких табличек или указателей поблизости не было, однако никто не сомневался в том, что дракон живёт именно здесь. Ни конюшни, ни других хозяйственных построек вокруг не наблюдалось, но ближайшая деревня находилась всего в паре миль к северу – для летающего дракона не расстояние, да и пешком пройти не составит труда. Местные жители даже предлагали Нику оставить лошадей у них, но он счёл, что отряд, явившийся пешком, будет выглядеть менее представительно.

– Выходи, злобная тварь, на честный бой! – пафосно продекламировал Себастьян, картинно выпрямляясь в седле. – Я отрублю твою поганую башку своим благородным мечом, разрушу до основания твоё мерзкое жилище и заберу награбленное золото! А прекрасная принцесса, что уже много лет томится в заточении...

– Подаст на тебя в суд за убийство мужа, и ты отправишься на каторгу, – негромко дополнил Грег. Ник коротко взглянул на него – рыжий крутил в пальцах нож и щурился на лес с таким видом, будто ожидал, что оттуда вот-вот полезут полчища неведомых врагов.

Впрочем, никому из отряда «Чёрных рыцарей» к нападениям не привыкать, а им четверым – и подавно.

– Пошли, – скомандовал Ник, спешиваясь. – Нужно разобратся с этим до вечера. И, Себ, будь добр, заткнись. У драконов слабовато с юмором, зато хорошо со слухом.

Тезис насчёт слуха подвергся сомнению почти сразу. Колотить в дверь – высоченную, толстую, с массивным медным кольцом – пришлось не меньше десяти минут. Себастьян, физически не способный долго молчать, шёпотом подбивал Барни испытать на непокорной двери парочку свежескупленных динамитных шашек. Наивный здоровяк, у которого с юмором было ничуть не лучше, чем у драконов, колебался и косился на командира, а тот, сохраняя на лице бесстрастное выражение, боролся с искушением – выданный Советом Мудрейших драконов документ в целом позволял и не такое в случае, если свидетель не пожелает сотрудничать.

Но им была нужна информация – и они, чёрт побери, договорились о встрече.

Наконец, хозяевам надоел грохот. В двери приоткрылось крошечное окошко, в нём показался недовольный глаз.

– Кто такие? Чего надо?

Ник вынул из-под куртки свёрнутый лист пергамента – драконы решили, что бумага в таком важном деле не годится.

– У нас договорённость о встрече с мистером Коулом. Мы ведём расследование по особому поручению Совета Мудрейших.

За дверью помолчали, разглядывая документ, потом нехотя уточнили:

– Как вас представить?

– Джонс. Доминик Джонс. Командир следственной группы.

Глаз недоверчиво сощурился. Да, фамилия распространённая, даже слишком, подозрительнее было представиться только Смитом. Внешность его тоже не внушала доверия добропорядочным гражданам: ростом и сложением Ник ненамного уступал Барни, тёмные глаза из-под густых бровей обычно смотрели весьма мрачно, что в сочетании с короткой чёрной бородой придавало лицу вид зловещей разбойной рожи. Даже строгие дорогие костюмы не всегда были способны перебить впечатление, чем командир следственной группы вполне осознанно пользовался, порою доводя подозреваемых до нервной дрожи одним взглядом.

С другой стороны, какое дело дракону до имени и тем более внешности исполнителя, если печати подлинны?

Окошко захлопнулось, но на сей раз долго ждать не пришлось. Спустя полминуты дверь почти бесшумно распахнулась, и на пороге появился высокий худой старик в сером

костюме.

– Прошу за мной, – буркнул он, разворачиваясь спиной к гостям. – Хозяин ждёт в библиотеке. Джереми позаботится о ваших лошадях.

Из двери выскочил мальчишка лет тринадцати в светлой рубашке и бриджах. Ник передал ему поводья и, поколебавшись мгновение, сунул монетку, а потом выразительно глянул на Себастьяна. Свидетель свидетелем, но такие вот мальчишки немало полезного могут вспомнить – или нафантазировать, как повезёт. К счастью, Себ всегда находил общий язык с прислугой, и нередко узнавал куда больше интересного, чем командир получал от разговора с хозяевами. Скорее всего, и на сей раз не подведёт, тем более что потенциальный свидетель оказался весьма на него похож – такой же русоволосый, взлохмаченный и с хитрющими глазами.

Внутри было темновато, в воздухе смешивались запахи погреба и кухни, на которой что-то подгорело. Похоже, первый этаж башни был полностью хозяйственным. Старик вытащил из ниши в стене канделябр с тремя тонкими свечками и повёл следственную группу узким коридором, закончившимся не менее узкой лестницей. Ник внимательно глядел под ноги и слушал, как за спиной ворчит Барни – с его шириной плеч здесь можно было протиснуться разве что боком. Интересно, как же проходит дракон?

Маленькие окошки, более похожие на бойницы, почти не давали света, двери на второй и третий этажи выглядели род-

ными сёстрами входной, если выбивать, то только тараном. Но до крайностей не дошло: их провожатый три раза стукнул в створку и почти сразу открыл. Ник глянул поверх его плеча – помещение оказалось небольшим и тёмным, но книжные шкафы в нём действительно имелись.

– Мистер Джонс и его люди, сэр.

Слово «люди» было произнесено с той интонацией, с какой обычно говорилось что-то вроде «тут к вам какие-то бродяги». Из поведения прислуги можно было сделать вывод, что и хозяин не горит желанием общаться представителями «низшей расы». За время расследования Ник успел привыкнуть к снобизму, пренебрежению и нежеланию драконов делиться информацией. Он отлично умел задавать вопросы, разгадывать загадки и ловить мельчайшие намёки, и руководство «Щита» не зря именно ему доверило поиск лиц, связанных с Орденом Белого гребня. Но его профессионализм нередко разбивался о межрасовые предрассудки – насколько быстрее можно было разобраться с этим делом, если бы у него был хоть какой-то рычаг давления на свидетелей-драконов!

Теперь у него был этот рычаг.

Совет, вроде бы заинтересованный в успехе расследования, затянул переговоры со «Щитом» на целых полгода. Мудрейших можно было понять, сбежавший секретарь знал слишком много, а поведение его бросало тень на всю расу. Однако самостоятельные поиски ни к чему не привели, и

старшим драконам пришлось выдать необходимые полномочия человеческим сыщикам. Нику уже довелось опробовать зачарованный пергамент с печатями в деле и полюбоваться, как меняется выражение холёных аристократичных морд. И если та морда, что засела в библиотеке, попробует отказаться от дачи показаний...

Впрочем, хозяин дома оказался на удивление приветлив. На дракона он походил мало – мелкий, тощий, суетливый, с бегающим взглядом и светлыми волосами до плеч, почти такого же желтоватого оттенка, как у Барни. Но здоровяк за своей косою ухаживал едва ли не внимательнее, чем за любимым топором, а вот растрёпанная макушка хозяина казалась скорее пыльной, а неопрятные пряди то и дело падали на лицо, заставляя мистера Коула встряхивать головой. Говорил он не умолкая – предлагал гостям чай, ругал дождливое лето, сетовал на нерасторопность прислуги, снова про чай и старательно огорчался, услышав очередной вежливый отказ...

Перепуганных людей Ник за свою карьеру повидал немало, а вот перепуганный дракон встретился ему впервые. Как бы не попытался сбежать. Пройти в дверь мимо привалившегося к ней плечом Барни ему вряд ли удастся, да и вставший у окна Грег, несмотря на обманчиво-хрупкое сложение и невысокий рост, имел немалый боевой опыт – и парочку парализующих игл в потайном кармане. Но что, если этот тип решит превратиться прямо в библиотеке?..

– ...Меня, конечно, предупредили, это огромная честь –

оказать помощь Совету Мудрейших, и я, конечно, по мере своих возможностей... Вас интересуют мои научные изыскания? Знаете, я давно занимаюсь поиском древних драконьих артефактов, исследую легенды, даже написал книгу, вот, взгляните...

– Нас интересуют ваши отношения с господином Беллом. Мистер Коул дёрнулся и выронил книгу.

– Простите?..

Улыбка его выглядела откровенно жалкой, губы задрожали.

– Митчелл Бенджамин Белл, – ровным тоном проговорил Ник. – Также известный под именем Майкл. Такой, знаете, с повязкой на глазу. Бывший секретарь Совета Мудрейших. Два года назад он посещал ваше поместье и гостил продолжительное время. Совет весьма интересуется подробностями этого визита.

Несколько мгновений мистер Коул сверлил взглядом упавшую книгу, не делая попыток за нею наклониться. Потом медленно поднял голову.

– Я знал, что Совет рано или поздно заинтересуется. Но... вы можете гарантировать мне безопасность, если я отвечу на ваши вопросы? Я не уверен, что...

Он поджал губы. Ник поднял книгу и протянул её автору.

– Белл угрожал вам?

– Не то чтобы... Благодарю, – мистер Коул суетливо кивнул и прижал том к груди обеими руками, напомним ма-

лыша, обнимающего плюшевого мишку. – Так вот, прямых угроз я не слышал. Однако слухи... И люди, которые его посещали... Перед отъездом он очень просил не распространяться о его пребывании в моём доме, и его тон... И выражение лица...

Дракон смешался и умолк. Ник кивнул – за время расследования у него сложилось впечатление о господине Белле как о махровом манипуляторе. Он не запугивал напрямую, всегда был вежлив, обаятелен, улыбчив. Однако свидетели, и драконы, и люди, раз за разом упоминали взгляд, от которого бежали мурашки, ощущение липнувшей к телу паутины и невозможность отказать в «небольших просьбах» – перевезти некий груз, найти жильё для людей, устроить встречу...

Проконсультировать по поводу легендарных артефактов, в существовании которых сомневается весь драконий мир.

После заверений, что Совет обеспечит защиту всем свидетелям, мистер Коул слегка расслабился и согласился поговорить о деле. Он оказался учёным-романтиком, восторженным и в чём-то наивным. Теории, в которые он верил, считались сказками, его исследования открыто называли чудачеством, основанным на хорошем воображении, а книги он печатал на собственные деньги, потому что никто и никогда не дал бы средств на поиски волшебных мечей, говорящих зеркал или ковров-самолётов. Мистер Коул не отступал – изучал легенды, разыскивал древние книги, а время от времени в компании таких же чудаков отправлялся в очередную

экспедицию. В шкафах его библиотеки хранились рисунки, снимки, странные предметы, необычной формы камни, засушенные растения, якобы обладающие волшебными свойствами...

Тема собственных исследований воодушевила мистера Коула настолько, что он почти перестал дрожать и запинаться. Стоило изобразить малейший интерес, как его голос приобрёл уверенность и даже властность, а на уточняющие вопросы он отвечал со снисходительностью гения, консультирующего неразумных обывателей. Спустя полчаса Ник был склонен соглашаться с «закосневшими приверженцами традиции» – рассуждения учёного казались отборной чушью. Но чем-то ведь зацепили они секретаря Совета?

– Скажите, а что конкретно интересовало господина Белла?

Упоминание о неприятном госте заставило хозяина дома приглушить голос и скривиться. Некоторое время он молчал, потом снова взял в руки отложенную на стол книгу.

– Он... Изучал легенду о летучем корабле. Вы, должно быть, знаете её...

Ник поднял брови и переглянулся с Грегом, тот пожал плечами. Зато неожиданно подал голос Барни:

– О, я помню! Там про то, как третий сын бедного крестьянина подружился с духами стихий, построил летучий корабль, прошёл испытания злого короля и женился на принцессе!

– Да-да, – мистер Коул мелко закивал, – именно эта. Считается, что древние корабли, на которых наши предки перешли в этот мир, могли путешествовать по воздуху, по земле, по воде и даже под водой. Мы с коллегами несколько лет ставили эксперименты... К сожалению, успехом они пока не увенчались. Однако господин Белл очень заинтересовался, и знаете, он очень хорошо разбирался в вопросе! Я и подумать не мог, что такой понимающий, разумный дракон свяжется с...

И не только свяжется, мрачно подумал Ник, но и станет одним из лидеров. Во всяком случае, собранной информации хватало, чтобы предположить, что именно Белл руководил если не всем Орденом Белого гребня, то уж некоторыми направлениями его деятельности точно. Он не занимал важных должностей, не отдавал значимых приказов, мало кому показывался и почти ни в чём не участвовал, но ощущение, что этот тип стоит за всеми делами отступников, с каждым опрошенным свидетелем только крепло.

К сожалению, книги и лабораторные журналы, в которых описывались попытки создания летучего корабля, господин Белл увёз с собой. Он собирался всего лишь снять копии и вернуть документы, однако обещания не выполнил – и по зрелому размышлению мистер Коул был только рад, что удалось откупиться от опасного типа бумагами. Увы, доказательств, которые можно было бы представить Совету, в библиотеке не осталось.

– У меня есть ещё пара сборников, содержащих эту легенду, – бормотал мистер Коул, бегая от шкафа к шкафу и распахивая дверцы. – Где-то здесь... А, вот оно, глядите! Правда, там совсем общие сведения...

Он вытянул из полки потрёпанный том и радостно взмахнул им, отчего из книги вылетело несколько страниц. Присмотревшись, Ник понял, что это скорее чьи-то записи, но задать вопрос не успел – мистер Коул вдруг охнул и шёпотом выругался.

– Прошу прощения... Это... – Он медленно наклонился и дрожащими пальцами подобрал листки, а потом снова глянул на Ника. – Мистер Белл, он... Делал записи, черновики, заметки... Почти всё забрал, а вот эти листки...

Ник взял протянутую бумагу. Половина была исписана мелким почерком – увы, язык, на котором бывший секретарь Совета делал записи, знаком ему не был. Схемы, изображённые на трёх других листках, тоже ни о чём следователям не говорили, как и несколько рядов непонятных значков. Но именно значки привели мистера Коула в величайшее возбуждение.

– Это русалочьи руны! Русалочьи, понимаете?! Их совсем недавно открыли, я подавал прошение Королеве Кэтрин... Увы, даже сейчас к русалкам допускают преступно малое количество учёных. Но я читал исследования профессора Грея, мы с коллегами вывели теорию, и господин Белл с нею согласился, что предки русалок и драконов могли работать

над созданием летучего корабля вместе! Духи стихий, понимаете? Не один дух, не дракон, а... Но вот этих записей не было в моих журналах, совершенно точно, это он, он сам где-то взял информацию! Профессор Грей, вам обязательно стоит с ним поговорить! Он преподаёт в Академии волшебных искусств в Драконвиле, непременно навестите его! А эти схемы...

Добиться от мистера Коула связных объяснений больше не удалось. Видно было, что расставаться с найденными листками ему не хочется – внимательнейшим образом рассмотрев и перерисовав значки и схемы, он снова принялся бегать по библиотеке в поисках каких-то энциклопедий. Оторвать его от работы, чтобы подписать показания, вышло с большим трудом, зато обещание поделиться результатами исследований он дал весьма охотно. Уговорились, что писать мистер Коул будет в Драконвиль на адрес одного из друзей Ника – раз уж всё равно придётся туда ехать и, возможно, задержаться.

Именно на этот адрес спустя пять дней пришло известие о смерти Ричарда Эдварда Коула.

Глава 2. Нежданная компания

– Упал с крыши и разбился? Дракон?!

Ник оторвался от письма и обвёл собеседников выразительным взглядом. Новость будто списали с дурацкой комедии, казалось, вот-вот из-за шкафа или из-под стола выскочит кривляющийся человечек с воплем «Шутка!» Тёмно-красные портьеры на окнах только усиливали сходство с театром, да и сама гостиная выглядела больше декорацией, чем жилым помещением в доме солидного джентльмена: обои в цветочек, кружевные салфеточки, пуфики, изящные креслица на гнутых ножках – таких тонких, что Барни предусмотрительно устроился на диване. Под Ником кресло только раз скрипнуло, но он всё равно старался не делать лишних движений.

Льюис поправил воротник домашней бархатной куртки под цвет портьер и откинулся на спинку кресла-качалки.

– Не смог превратиться, бывает. Не так-то просто сделать из человека громадную тушу с крыльями. Может, перебрал и забыл порядок действий?

Уверенно определить, когда Льюис Даррел говорит всерьёз, а когда шутит, удавалось не всегда. О том, что именно делают драконы для смены облика, Ник имел весьма смутные представления, но всё равно крепко сомневался, что пьяный дракон не сумеет превратиться. Он снова глянул в

текст. Местная полиция и прибывший на место происшествия дракон-дознаватель опросили слуг, и те в один голос уверяли, что мистер Коул и впрямь предпочитал превращаться в воздухе. Тщедушный человечек, с которым встречалась следственная группа, в истинном облике обладал размахом крыльев почти в семьдесят футов, что затрудняло взлёт с окружённой деревьями поляны, а немалый вес не давал превратиться на крыше без риска её проломить. Почему же в этот раз попытка взлететь обернулась переломанным позвоночником?..

Самоубийство – невозможная вещь для истинного дракона, об этом его уже просветили. Ник предположил бы, что разговорившегося свидетеля попросту убили, но кто и как? На теле погибшего не было найдено никаких травм, помимо связанных с падением. Столкнули? Но что в таком случае помешало ему превратиться?

Даже если кто-то из слуг подслушивал у дверей библиотеки, сумел подать Беллу весточку о визите следователей и получил в ответ приказ об устранении болтуна – дракон, какой бы обманчивой ни была его внешность во втором облике, всегда остаётся сильнее самого тренированного человека. Значит, убийцей тоже должен быть дракон... Но их слишком мало, чтобы убивать себе подобных, и это, насколько успел узнать Ник, практически табу. Глупо думать, что ни один дракон не нарушит запрет – но дворецкий лично провожал господина на крышу, да и прислуга уверяла, что после отъ-

езда следователей мистера Коула никто не навещал...

Разве что почта пришла.

Судя по показаниям слуг, именно весточка от старого приятеля привела мистера Коула в такое возбуждение, что он немедленно собрался в гости. Увы, предполагаемый автор письма при опросе искренне удивился – с его слов выходило, что никакой корреспонденции он не отправлял уже неделю, и работники местной почты этот факт подтвердили. Дракон, расследовавший смерть собрата, счёл нужным помимо копий протоколов допроса переслать и злосчастное письмо: «возможно, это как-то поможет в ваших поисках, мистер Джонс».

Ник перечитал вложенную записку, хмыкнул, уронил её на стоящий рядом журнальный столик и протянул руку к тёмному обшарпанному конверту.

– Не трогай.

Грег, до этого сидевший тихо, вскинул ладонь и тоже склонился над столом, разглядывая конверт и, похоже, даже принюхиваясь. Надел перчатки, аккуратно вынул одинокий листок, исписанный кривыми буквами, потёр кончиком пальца самую выразительную кляксу, затем принялся рассматривать бумагу на просвет, хмурясь и хмыкая. Потом изучил конверт, уделив особое внимание внутренней стороне, отломил кусочек сургучной печати, снова принюхался...

Ник следил за его манипуляциями, не пытаясь вмешиваться. Грег вырос в семье аптекаря, учился на фармацевта

и мог бы стать достойным продолжателем семейного дела. Химия была одной из немногих тем, на которые рыжий говорил охотно и с удовольствием, причём так, что собеседники даже понимали, о чём речь. Особенно интересовали его природные яды – Грег верил, что в малых дозах даже самая опасная дрянь может стать лекарством, и неустанно проводил собственные исследования с одобрения преподавателей. Ему прочили блестящую научную карьеру, но перед самым дипломом рыжий умудрился поссориться с каким-то баронским сынком – кажется, из-за девушки, хотя всех подробностей истории Грег так и не раскрыл. До дуэли дело не дошло – аристократ счёл ниже своего достоинства драться с аптекарским сыном, – однако на следующий день после ссоры его нашли мёртвым.

Прямых доказательств того, что Грег был причастен к смерти, найдено не было, но безутешному отцу хватило слухов и сплетен. Влияние аристократа в городе было столь велико, что старшего Шеумейса лишили лицензии и лавки, а младшего вышвырнули из колледжа без диплома. Профессора вздыхали и прятали глаза, но пойти наперекор разгневанному барону никто не решился.

Неизвестно, как бы сложилась дальше жизнь Грега и его отца, если бы преподаватель химии не счёл нужным написать Льюису Даррелу, своему старинному приятелю, письмо с просьбой помочь талантливому юноше. И благодаря одному из лучших вербовщиков «Щита» отряд «Чёрных рыца-

рей» пополнился очередным новобранцем.

Диплом Грег так и не получил – а вот интересоваться химией не перестал.

Первым не выдержал Себастьян:

– Что там, гений ты наш?

Рыжий хмыкнул особенно выразительно.

– Масляные пятна на конверте, нехарактерный запах.

Слегка отдаёт миндалём и лимонником.

Барни опасно отодвинулся на другой край дивана, Льюис нахмурился. Себастьян выпрямился, всем видом выражая любопытство, но тянуть руки к потенциально опасному конверту не стал.

– Думаешь, его пытались отравить, но он успел убиться раньше?

Грег встретился взглядом с командиром, потом покачал головой.

– Сомнительно. Яд, действующий на драконов, гарантированно убил бы и слугу, который принёс письмо, и почтальона, и полицейских...

– Хочешь сказать, дракон не смог определить яд? Ни сам Коул, ни дознаватель?

– Дознаватель явился спустя сутки после смерти, всё важное могло выветриться, – напомнил рыжий. – Полицейские и давно не разобрались бы, подумаешь, грязный конверт, да и запах не сильный... К тому же это мог быть яд с магической составляющей, но тут нужна сложная экспертиза. Ми-

стер Даррел, в Академии ведь есть специалисты?

Льюис побарабанил по подлокотнику кресла кончиками пальцев и несколько раз качнулся взад-вперёд.

– Лучшим вариантом был бы сам лорд Элессар... – Он взял с тумбочки толстый ежедневник и перевернул несколько страниц. – К сожалению, его сейчас нет в городе – отправился на какую-то научную конференцию. Вернётся дней через пять, вряд ли раньше.

Ник с досадой скривился. Он не в первый раз сталкивался с отсутствием на месте нужного человека или дракона, но задержки раздражали. Увы, с этим делом срочности добиться было невозможно в принципе, слишком много времени прошло с момента бегства Белла с базы в Гренландии, и драконы отказывались сотрудничать со «Щитом» официально. Их группа приступила к поискам год назад – через четыре с лишним года после разгрома Орденской верхушки! Конечно, искали и до них, но...

– Если вы настаиваете, что лучше него не разберётся никто, мы подождём. И у нас есть ещё одно дело в Академии. Нам нужно переговорить с профессором Греем по поводу русалочьих рун, вы ведь сможете устроить нам встречу?

Увы, второе дело закончилось на том же месте, где первое – профессор отбыл всё на ту же конференцию. Оглядев раздосадованных следователей, Льюис потёр подбородок и широко улыбнулся.

– Мне думается, джентльмены, вам сейчас как никогда ну-

жен отдых. Как вы смотрите на то, чтобы пропустить пару кружек отменного пива в отличном заведении? Я угощаю!

Пива Нику не хотелось – он предпочёл бы всё же отправиться в Академию. Наверняка там имелись специалисты по интересующим его темам помимо лорда Элессара и профессора Грея, не может же целое учебное заведение держаться лишь на двух драконах! Однако Льюис проявил настойчивость, Себастьян идею горячо поддержал, Барни тоже был не против отдыха, и Ник с Греггом, который вообще не жаловал общественные заведения, оказались в меньшинстве.

– К тому же мне думается, что вашу проблему будет проще решить в баре, – загадочно добавил Льюис, выбираясь из кресла.

Ник пожал плечами и сдался. Он знал Даррела достаточно давно, чтобы привыкнуть к его манере изъясняться – старый прохвост ничего и никогда не говорил прямо, но его советы неизменно оказывались ценными, как и добытые им сведения. Может быть, в этом баре предпочитает расслабляться кто-то из преподавателей Академии, и его можно поймать в нерабочее время? Или сам бармен может рассказать следователям что-то интересное?

Что ж, пиво так пиво. В конце концов, бар – не самое неприятное место из тех, куда его заносило по нуждам следствия.

Бар назывался «Энигма» и оформлен он был с претензией на оригинальность. Лампочки, шестерёнки, механические фигуры, модели дирижаблей и подводных лодок – Барни в восхищении крутил головой, словно на выставке, а вот Себастьяна больше заинтересовал крупный серо-полосатый кот, вышедший встретить гостей. «Кис-кис» зверь величественно проигнорировал, слегка мазнул кончиком хвоста по ноге Льюиса, а потом развернулся и двинулся вглубь помещения, словно приглашая старого знакомого следовать за ним.

Дойдя до стойки, кот вскочил на неё и хрипло мяукнул. Бармен отложил книгу, которую читал до их появления, и профессионально широко улыбнулся.

– Доброго дня, дядюшка. Как ваше здоровье?

– На две-три кружки пива здоровья хватит, – ухмыльнулся Льюис. – А где же твоя драгоценная супруга?

– Присматривает за Алисией. Этот комок шерсти, – бармен потрепал кота по холке, – в третий раз собирается стать отцом, роды со дня на день. И, как обычно, на котят уже очередь, да, чемпион?

Кот чихнул, отвернулся от хозяина и задрал подбородок, позволяя Льюису почесать себе шею.

– Кажется, Анна не слишком любила кошек, а?

– Посторонних – нет, – хмыкнул бармен. – А своя, лично выращенная, совсем другое дело.

– Тут не поспоришь. – Льюис оставил кота и, обернувшись

к спутникам, пояснил: – Мой племянник с супругой разводят беговых кошек. Вам стоит как-нибудь выбраться на бега, прелюбопытное зрелище. А пока весьма рекомендую здешнее тёмное пиво, местная пивоварня довольно неплоха.

Ник в ответ на вопросительный взгляд пожал плечами и кивнул. Пока его спутники выясняли, что имеется в меню помимо пива, он оглядывал зал, краем глаза наблюдая за барменом и, пытаясь понять, что ему не нравится. Внешность, пожалуй, приятная, такие обычно привлекают женщин – судя по обручальному кольцу, одной он точно нравится. Среднего роста и возраста – хотя, пожалуй, старше самого Ника. Движения ловкие, экономные, а взгляд, несмотря на улыбку, цепкий и внимательный. Рукава светлой рубашки закатаны по случаю жары, а на левой...

Ник скосил глаза на Льюиса, обсуждавшего с барменом каких-то общих знакомых. Племянник, говорите? Очень интересно.

До вечера было ещё далеко, посетителей почти не было, и столик им достался удобный: подальше от входной двери, поближе к кухне и – теоретически, – запасному выходу. Заказ бармен принёс лично, и пока он сгружал кружки с подноса, у Ника было время разглядеть выглядывающую из-под рукава татуировку. Это оказался полноценный рисунок – средневековый рыцарь в латах и шлеме на фоне замковых башен. Изображение поражало детализацией, была видна каждая заклёпка на доспехах и складочка на плаще, руны

на лезвии меча...

А вот щит был просто чёрным. Художник пустил по краю кайму с узором и попытался изменить форму, но очертания эмблемы отряда «Чёрных рыцарей» всё ещё оставались узнаваемыми. После громкой истории с разгромом якобы опасной банды татуировка на левой руке стала приметой, привлекающей ненужное внимание, и начальство официально её запретило, но на документах и печатях щит остался. А кое-кто делал татуировку вопреки приказу, разве что выбирали для этого малозаметные места, и сам Ник носил чёрный щит на груди, под сердцем.

Ветеран? Отступник? Или простое совпадение?

Сохранять бесстрастное выражение на лице он умел отлично, но бармен заметил интерес.

– Любуетесь?

Взгляды скрестились, словно клинки, но тут Льюис беззаботно рассмеялся.

– Расслабьтесь, парни. Джимми, позволь представить – Ник Джонс, командир следственной группы «Чёрных рыцарей». Да-да, тех самых. Ник, это Джеймс Даррел, мой племянник. Он мог бы стать твоим коллегой, но увы, не сложилось. Впрочем, он и так отлично находит приключения на свою голову. Ты же читал материалы Орденского дела?

Ник молча кивнул, ругая себя за несообразительность. В материалах действительно упоминался Даррел-младший – все его показания следователь изучил, зацепок по поводу

Белла в них не было. Но ведь зачем-то Льюис привёл их в бар – не котиком же любоваться!

Дядюшка с племянником тем временем обменялись ещё парой фраз – Льюис поинтересовался, будут ли сегодня некие «юные джентльмены» и, услышав утвердительный ответ, с довольным видом уткнулся в свою кружку. Бармен вернулся за стойку, но следователям пришлось ждать ещё не меньше получаса, прежде чем посиделки себя оправдали.

Двое юношей, ведущих какой-то спор на повышенных тонах, вошли в бар. Присмотревшись, Ник определил, что старший, пожалуй, был его ровесником, хотя изящное сложение, гладко выбритое лицо и тёмные локоны до плеч делали его моложе – этаким юный поэт с пылким взором. Его спутник, русоволосый и вихрастый, почти не уступал ему в росте, но выглядел младше вдвое. При их появлении Льюис подобрался и стал похож на кота, наблюдающего за мышью, но, поймав взгляд Ника, лишь приложил палец к губам.

Посетители между тем дошли до стойки. Младший из пары немедленно сгрёб жалобно мяукнувшего кота в охапку и переключился на нового слушателя:

– Джеймс, скажи ему! Это не по-братски, и вообще нечестно!

Бармен заинтересованно изогнул левую бровь, второй посетитель еле заметно вздохнул.

– Тебе не стоит говорить так громко, Уилл.

– Ха! – названный Уиллом непокорно потрянул головой,

но голос слегка понизил. – Джеймс меня точно не выдаст, в отличие от некоторых! Нет, ты знаешь, что он сделал? Поставил мне двойку! За сочинение! По Шекспиру! Родному брату, представляешь?

«Поэт» пожал плечами и изящным жестом убрал от лица волосы.

– Могу я напомнить, что накануне предлагал родному брату помощь? Мы бы разобрали произведение, обсудили важные места – но кое-кто не удосужился даже открыть книгу, а вместо подготовки торчал до ночи в мастерской. До конца учебного года, между прочим, всего неделя.

– Ещё неделя! А мне надо готовиться к гонкам, я не могу подвести команду! А теперь он хочет пожаловаться на меня маме!

– Леди Аннабель просила сообщать о твоих проблемах с учёбой, и это было до того, как ты попросил ничего ей не говорить. А жалуешься ты.

– Предатель!

– Лентяй.

– Зануда!

– Тихо, – Джеймс постучал пальцем по стойке. – Не ссорьтесь, джентльмены. Что я скажу вашим родителям, если дело дойдёт до дуэли?

– Не дойдёт, – буркнул младший. – Он не умеет ни фехтовать, ни стрелять. А драки драконов запрещены.

Старший презрительно хмыкнул, но не возразил. Ник по-

давил желание ухмыльнуться. Мужчина, не умеющий ни стрелять, ни фехтовать, имел, конечно, право на существование – но не на его уважение. Да ещё и дракон...

Бармен немного подумал и облокотился на стойку, слегка наклонившись вперёд.

– Уилл, мы, помнится, договаривались о новом преобразователе для кристаллов за успешное окончание учебного года? – Парень что-то буркнул себе под нос, и Джеймс укоризненно покачал головой. – Мама расстроится. Очень.

Уилл шумно вздохнул.

– Может, не будем ей говорить?

– Предлагаешь ей соврать?

– Нет! Но можно ведь как-то... – парень снова вздохнул и покосился на брата. – Хотя бы переписать?

Джеймс пожал плечами.

– Гэбриэл? – Пауза слегка затянулась, и бармен с усмешкой напомнил: – Леди Аннабель.

Старший из братьев тоже вздохнул. Он стоял спиной к залу, и лица его Ник не видел, но вообразил этакое томное, театральное страдание, и попытался подавить привычное раздражение – с некоторых пор его бесили красавчики аристократического вида. Хорошо ещё, что у этого нет дурацких тонких усиков...

– Ладно, – решил наконец Гэбриэл. – Только ради душевного спокойствия леди Аннабель. Завтра после занятий – и учти, что на сей раз я точно не буду тебе помогать гото-

виться.

– Я ему помогу, – Джеймс хитро подмигнул Уиллу. – А тебя спрашивал Льюис, вон он, с друзьями.

– Я боюсь представить, что вы двое можете сделать с Шекспиром. – Гэбриэл покачал головой, обернулся, и Ник поспешил отвести взгляд. Проникаться к потенциальному свидетелю или эксперту неприязнью до знакомства – совершенно непрофессионально. Похоже, этот тип преподаёт в Академии и специализируется на литературе. Возможно, он может что-то подсказать по поводу легенды о летучем корабле – не руны и не яды, но тоже хорошо.

Реальность превзошла ожидания.

– ...Гэбриэл – сын профессора Грея, – вещал Льюис после того, как всех друг другу представил и коротко обрисовал суть возникшей у следователей проблемы. – Он преподаёт словесность, и, насколько мне известно, собирает человеческие легенды о драконах, верно?

Профессорский сын скромно улыбнулся.

– Да, это весьма интересно. Я знаю о летучем корабле, читал в разных вариантах, и склонен согласиться с покойным мистером Коулом – если такой и существовал, он точно должен быть результатом совместной деятельности обоих народов. Но это всё же под большим вопросом.

– А что вы скажете о рунах? Вы ведь интересовались исследованиями вашего отца касательно русалочьей письменности?

– Да, но это всё-таки не совсем моя специальность... – Гэбриэл сдвинул брови, разглядывая найденный в библиотеке Коула черновик. – У русалок очень сложный письменный язык, мало кто знает его так, как...

– Ваша матушка? – с лукавой улыбкой уточнил Льюис. – Королева Кэтрин, несомненно, величайший знаток. Увы, в последнее время с нею очень сложно договориться о встрече, а письмам можно доверять не всё. Кстати, юный мой друг, как давно вы её навещали?

Гэбриэл резко выпрямился, и даже в полумраке бара стало заметно, как порозовело его лицо.

– Я... Она очень занята. И у меня тоже... Работа. – Он оглянулся на стойку, но его брат был занят разговором с неудавшимся «чёрным рыцарем». – Вам лучше будет дождаться отца и поговорить с ним.

Нику показалось, что парень хочет встать, но тут Льюис наклонился к его уху и что-то шепнул. Лицо Гэбриэла словно окаменело, но с места он не сдвинулся.

– Профессора вернётся только через несколько дней, – как ни в чём не бывало проговорил Льюис. – А дело не ждёт. Так как, сможете устроить нам встречу с Её Величеством?

– У меня есть телепорт к острову, – еле слышно проговорил Гэбриэл, глядя в стол. – Но он рассчитан только на одного человека или дракона.

– Это не страшно, – Льюис широко улыбнулся. – Телепорты, насколько мне известно, так же можно использовать как

пропуск или маяк. Так что если вы, допустим, полетите с нами на дирижабле, ваш амулет поможет настроить навигационные приборы, чтобы выйти к острову, так ведь?

Ник переглянулся с командой, Себастьян вытянул губы трубочкой, словно желая присвистнуть. На то, чтобы нанять персональный дирижабль, бюджета следственной группы не хватало, даже с учётом того, что драконы обещали оплатить часть издержек, связанных с расследованием. Хотя, конечно, возможность встретиться с самой королевой упускать не хотелось – даже Совет не смог пообещать устроить эту встречу!

Гэбриэл мрачно кивнул, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. Ник искоса глянул на дракона – ещё и принц, оказывается. Очень интересно, что такого сказал ему Льюис, но Прохвост на то и Прохвост, чтобы хранить секреты и выдавать их только в нужный момент и кому положено. А кстати...

– А что, сэр, дирижабль у вас тоже имеется? Или мы полетим, – Ник хмыкнул, припомнив вторую профессию вербовщика «Щита», – в гробах?

Даррел ухмыльнулся, одним глотком допил пиво и тоже откинулся на спинку.

– Почти угадал, мальчик мой. Почти угадал.

Глава 3. Как прекрасно грузить гробы на рассвете

– А говорили, что всё это сказки, мол не было такого, – в низком, чуть вибрирующем голосе, звучала ядовитая радость.

Светло-зелёный кристалл левитировал над столешницей, слегка бликуя в свете ламп. Этот и ещё несколько – их достижение, результат кропотливого труда. Такая маленькая штучка, а сколько мощи.

– Скудоумие других нам на руку, – поддержал его собеседник.

Амели не любила заходить в порты ночью: профсоюз грузчиков несколько лет назад объявил о нормировании рабочего дня и повышенном травматизме, и в тёмное время никто не работал. Томительные минуты до прихода рабочих, казалось, тормозили стрелки часов, настолько были тягучими. Но её людям нужно было сходить на берег, выпускать пар, сорить монетами, травить байки в кабаках – ночные стоянки просто необходимы.

Команда «Северного ветра» растворялась в чёрных извилистых артериях улиц, в кабаках и барах, в объятиях красо-

ток. На борту обычно оставались несколько человек охраны на вахте, капитан и повариха. А по палубе незримо прогуливались тревога об руку с ночным кошмаром – страшная парочка, преследовавшая её многие годы. И чем меньше вокруг людей, тем вольготней они себя чувствовали.

Амели ненавидела ночные стоянки на почти пустом дирижабле. В такие ночи она запиралась в своей каюте и считала овец, лишь бы не думать о прошлом, не вспоминать и не дать кошмару и тревоге запустить в неё свои цепкие когти. Случалось, она проигрывала, и тогда приходили сны-воспоминания, где она совсем юная бежала из родного дома, влекомая рыцарем в чёрных доспехах, а им вслед нёсся хохот. Она оборачивалась на бегу и видела огромное лицо с чёрной повязкой на одном глазу, оно летело вслед само по себе, без тела, будто привидение.

– Не оглядывайся! – кричал рыцарь.

Это не могло быть правдой, возможно, всему виной спиртное, которым её напоил дед, чтобы она не сопротивлялась уготованному, не билась птичкой в клетке. Дед и Одноглазый задумали сделать с ней что-то плохое, что именно она поняла позже, когда подросла. Они не успели – помощь пришла неожиданно. Пусть она не помнила спасителя, выкравшего её из родного дома через окно, и никогда не видела его лицо во снах, но она помнила большую тёплую мозолистую ладонь рыцаря в чёрном. Это ощущение тогда не давало ей провалиться в забытье, теплота и сила влекла

её прочь от опасности, а потом... Потом алкоголь всё же поборол детский организм и следующим воспоминанием было укрытие, где её окружали незнакомые люди. И все они были к ней добрее, чем собственная семья.

С тех пор Амели предпочитала помнить всё-всё.

К тому моменту, как крикливый красный ара по имени Жаркое проорал утреннюю побудку, Амели уже давно поборола сон и просто лежала, уставившись вверх. Каждая трещинка на потолке крохотной аскетичной каюты удостоилась внимания, Амели любила их разглядывать в моменты тревоги, мысленно превращая линии в карту. Она прокладывала маршруты в узоре трещин, стараясь не повторяться. Немного странное времяпрепровождение, но уж какое есть. Попугай сегодня решил надрываться дольше обычного и вместо стандартной фразы «пора драить жопы, летучие обезьяны», означающей «доброе утро», продолжил любимой корабельной песней-молитвой.

Амели вскочила с кровати под «налей богу ветра чарку покрепче» и приступила к утреннему ритуалу: умыться, отжаться, одеться.

Сорок отжиманий – вдвое больше нормы, – успокоили нервы.

Холодная вода прояснила ум.

Юбка-шаровары, белая блуза, коричневый вязаный жилет, широкий капитанский пояс, доставшийся от приёмного отца и переделанный под её фигуру. Он, как поддерживаю-

щее дружеское объятие, стянул без того тонкую талию, настраивая на рабочий лад. Амели бросила взгляд в крошечное зеркальце над умывальником лишь для того, чтобы наскоро причесаться. Это всё, что нужно.

Она прислонилась лбом к двери, на несколько секунд закрыла глаза. Сегодня начинается один из сложных рейсов – с пассажирами на борту. Радовало лишь, что она встретит среди них старого друга. Живые грузы болтливы, своевольны и всегда оценивают её – женщину-капитана. Люди встречают по внешности, и тут не повезло – слишком смазливая, и за счёт кукольного лица Амели казалась моложе своих двадцати пяти. В особо тяжёлые рейсы она даже завидовала Гарпии Грейс, капитану «Летучего кита», у той не было подобных проблем. Высоченная, статная, с изъеденным оспой лицом, она только поглядит из-под своих белобрысых ресниц, как разговорчики смолкают и больше не возникают. Иногда Амели хотелось быть в этой внушительной шкуре. Она проводила свободное время, укрепляя тело, стремилась стать уверенней и весомей, чтобы пассажиры не смотрели снисходительно – особенно консервативные женщины, коих, слава ветрам, на борт заносило редко.

Амели вышла на открытую верхнюю палубу. «Северный ветер» ходил на морские парусники, только место парусов занимали наполненные летучим газом баллоны, покрытые единой оболочкой. Она подошла к борту и улыбнулась, глядя на горизонт. Сложная ночь осталась в прошлом, зани-

мался рассвет. Первые лучи уже касались потрёпанной тёмно-серой ткани оболочки, но на досках палубы ещё лежала глубокая тень.

– К исходу долгой ночи так близок стал рассвет, что можно день потрогать, и страха больше нет, – шепнула Амели одно из любимых и близких ей стихотворений, и погладила гладкое дерево борта. Она поёжилась от прохлады, но была ей рада. Жаркое пролетел мимо, чиркнув хвостом по голове, и устремился на простор, размять крылья. К сожалению, эта дерзкая птица всегда возвращалась.

Золотисто-розовые лучи подсветили самую высокую точку Драконвиля – золотой шпиль Академии волшебных искусств, – разогнали тени в порту для дирижаблей. По сути, порт – обычное поле на окраине города, где без проблем могли разместиться сразу десятков грузовых дирижаблей с их необъятными баллонами, и даже маневрировать. Трава здесь росла неровными лоскутами под индивидуальными швартовочными местами и между ними, а всё остальное было вытоптано грузчиками. Помимо «Северного ветра», погрузку ожидал ещё один дирижабль – более современной модели, роскошный, серебристый, с баллоном, похожим на толстую сигару, и закрытой от всех ветров гондолой с множеством иллюминаторов. Это же Драконвиль, сюда прилетали по делам богачи.

Команда уже вернулась, их весёлые смешки были музыкой для капитана: если люди довольны увольнением, то и

рейс проходит легче. Совсем скоро они примут пассажиров и груз, она обнимет Прохвоста, а затем они снимутся с якоря, и вновь спокойствие неба спасёт её от тревоги и кошмара.

– Золотко, ты снова плохо спала? – раздался за спиной хрипловатый голос Молли. – Может тёплого молока на ночь?

Так с капитаном могла разговаривать лишь женщина, фактически заменившая ей родню – грузная повариха «Северного ветра». Рыжая ирландка с блёклыми зелёными глазами, редкими бровями и ресницами, смешливыми морщинками в уголках глаз. Она всегда добродушно улыбалась и напевала в камбузе задорные ирландские мотивы. При этом её считали грозой всего судна: с этой же улыбкой она могла стукнуть поварёшкой по хребтине. Уважали её как почтенную матрону, несмотря на то, что ей было всего-то сорок лет.

– Не стоит, Молли, – рассеянно ответила Амели.

– А что везём в этот раз? Далеко?

– Гробы и пассажиров. Через океан.

– Амели Розье! Неужто больше нет достойной работы для такого превосходного капитана?

Спрятанное за красивыми словами недоумение «а лучше ничего не нашлось?» заставило Амели поморщиться.

– Наш верный «Северный ветер» нуждается в замене одного из баллонов, команде нужно платить. И хорошие продукты закупать, – добавила она беспрюирышный вариант. Повариха обречённо вдохнула и ушла.

Перевозку гробов не любил ни один из членов экипажа.

Порт наполнился гомоном, грохотом, криками – новый день не ждал.

Команда была занята делом, четверо из двенадцати членов экипажа поспешили на нижнюю закрытую палубу, а оттуда уже в трюм, открыть люк и принять груз. Для такого большого судна экипаж был крошечный, но почти каждый из команды имел смежные должности. Амели была капитаном и штурманом, её первый помощник также заведовал бухгалтерией и разбирался в моторах, да и матросы тоже не мальчики на побегушках. Экипаж был собран давно и работал слаженно. Два механика, неразлучная парочка Грубер и Симонс, скрылись в недрах гондолы.

Всё было бы хорошо, чувствуя Амели только попутный ветер, но палуба качалась и сохранять устойчивость было сложно – команда признавала её главенство не до конца. Она каждым своим волоском ощущала, как они ждут промаха, чтобы выдвинуть на должность капитана старпома Эдварда Кирка. В конце концов, если бы не завещание Анри Розье, владельца судна, Кирк мог стать следующим капитаном «Северного ветра».

А вот и он, лёгок на помине.

– Доброе утро, кэп.

Невысокий, крепкий как дерево, пережившее сотню штормов, с обветренным загорелым лицом и огромными,

несоответствующими остальному телу кистями. Кулаки у него были без преувеличения пудовые.

– Доброе, Эд.

– Могли бы сразу сказать, что мы везём тот самый груз, – слегка раздражённо буркнул старпом. – Все эти недомолвки...

– Прости за секретность, меня просили не говорить, чтобы информация ненароком не просочилась. И я сама пока не знаю, куда именно летим.

– Будто мы раньше гробы не принимали на борт. Странно, конечно, везти их по воздуху через полпланеты, – перебил старпом, хотел сплюнуть под ноги, но вспомнил, что уже не на земле. – Но батюшка ваш, упокой Господь его душу, часто их возил. Стало быть, и вам не зазорно.

Амели всегда поражалась подобным фразам. Почему кто-то судит, что ей простительно, а что нет?

– Платят за эту перевозку очень хорошо, будет на что и ремонт сделать, и команде премию выдать. Ты же помнишь мистера Даррела? Он летит вместе со своим грузом, – вместо отповеди произнесла она. Не хватало поругаться с помощником.

– Как не помнить? Вот это хорошо. Встречу. Погрузка займёт час, ещё припасы...

Амели перестала слушать.

Льюиса Даррела она была рада видеть, но не представляла, кто с ним в компании. Лишь бы обошлось без драко-

нов, чтоб им провалиться в преисподнюю. Подлые твари. На борту её мнение о драконах полностью поддерживала только Кармина Росси – подруга Амели, метеоролог-самоучка и помощница Молли. К слову, где она? Всегда возвращается самая последняя.

– ...пойду проверю, как погрузка идёт. И, смотрите, кэп, пыль столбом. Стало быть, на автомобиле мчатся, – ворвался в мысли голос Кирка. Похоже, старпом был прав: рассветных лучах сложно было разобрать цвет, металл блестел словно зеркало. Амели только в журналах видела это чудо, доступное лишь драконам и очень состоятельным людям.

– Надеюсь, они его с собой берут. В этом рейсе мы совсем не загружены – можем себе позволить, – потёр руки Кирк и поспешил встречать гостей.

Амели вдохнула полной грудью – сердце вдруг застучало, не то радостно, не то волнительно. Она вцепилась в край борта так сильно, будто старалась не выпасть. Помогло. Пассажиров вскоре приведут, нужно быть собранным капитаном, а не девчонкой, которая очень устала доказывать свою состоятельность.

Пассажиры наконец поднялись на верхнюю палубу, и Амели пошла навстречу. Первым шёл Льюис Даррел, он же Прохвост, крупная фигура в организации «Щит», хотя по нему и не скажешь – старый друг отца едва ли был выше

её самой. Широкая улыбка освещала его лицо, бакенбарды выглядели пышнее обычного, а его костюм был непривычно дорогим и даже щегольским. Это странно – в случаях, когда мистер Даррел самолично сопровождал грузы, он предпочитал одеваться более практично, и его одежда производила впечатление добротной, но не новой, а иногда и потрёпанной.

– Амели Розье! – Льюис галантно поцеловал поданную руку. Вообще-то, Амели собиралась поздороваться иначе. – Ты прекрасна, как два рассвета!

– Благодарю, сэр, – суховати ответила Амели. Льюис испортил ей возможность произвести первое впечатление своими неуместными комплиментами. Радость от встречи немного потускнела, и она перевела взгляд на пассажиров.

Их было пятеро. Четверо стояли рядом, в их одеждах преобладали тёмные цвета, и оружием были увешаны все, однако на военных не походили, скорее, наёмники с опытом. Когда Льюис представил её как капитана, один присвистнул, а поймав её взгляд, широко улыбнулся и подмигнул. Амели привыкла удерживать на лице равнодушное выражение, подобные выпады давно её не смущали, но начало выходило не слишком многообещающим.

Последний из пассажиров встал поодаль, и выглядел он, в отличие от прочих, аристократом – бледный, худощавый, в идеально сидящем сером костюме и цилиндре, из-под которого ниспадали до плеч аккуратно завитые волосы. Было

похоже, что этот франт тратил на причёску куда больше времени, чем сама Амели. На капитана он не смотрел вообще, а вот дирижабль разглядывал с таким видом, будто по ошибке очутился в трущобах, да ещё морщил нос, словно от неприятного запаха. Молли как раз готовила завтрак, ароматы над палубой плыли вполне аппетитные, но Амели тоже захотелось поморщиться.

Стоит надеяться, что Льюис поговорит со своими друзьями насчёт хороших манер.

Даррел закончил расхваливать её как самого надёжного капитана на сотню миль вокруг, немного помолчал и глянул на неё неожиданно серьёзно.

– Дело непростое, любому я доверить его не могу. Итак, позволь представить следственную группу отряда «Чёрные рыцари».

Амели сдержала удивление. Она кое-что знала об этих ребятах: приёмный отец нередко выполнял рейсы по просьбе Льюиса, и рассказывал ей о командах наёмников, работающих против драконов. Правда, организация давно не выходила на связь, и она уж точно не ожидала встретить их на борту.

Даррел тем временем начал представлять мужчин, указывая рукой на каждого по очереди.

– Грегори Шеумейс.

Щуплый, невысокий – даже ниже Льюиса. Под надвинутым капюшоном волосы казались тёмными, но рыжие бро-

ви на бледном веснушчатом лице выдавали истинный цвет. Выглядел он совсем юным, не старше неё самой, но взгляд, внимательный и цепкий, выдавал опыт. В ответ на приветствие молча кивнул и отвернулся.

– Себастьян Дрейк.

Тот, что свистел, улыбнулся ещё шире и взъерошил без того растрёпанные волосы. Он выглядел ровесником первого, разве что повыше и пошире в плечах. Его, пожалуй, можно было назвать красавчиком, но нахальное выражение на физиономии портило всё впечатление. Кожаная куртка с блестящими заклёпками, арбалет за спиной – кажется, этот парень любит привлекать внимание. Таких Амели особенно не жаловала – мужчины, мнящие себя неотразимыми, не понимают отказов, пока им что-нибудь не прострелишь.

– Барни Уоллес.

Светловолосый гигант, сложением похожий на деревенского кузнеца, застенчиво улыбнулся и единственный из всех протянул руку. Амели ответила на пожатие и тоже позволила себе улыбку, разглядев толстую косу, немного не достающую до лопаток. От него еле заметно пахло порохом, а карманы куртки подозрительно топорщились. Если б не улыбка, открытая и чуточку детская, Амели дала бы ему лет сорок пять, а так он казался моложе лет на десять.

– Доминик Джонс, командир следственной группы.

Этот тоже был высоким и мощным, но в отличие от Барни, выглядел не добродушным здоровяком, а человеком трени-

рованным и весьма опасным. Тёмные глаза смотрели пронзительно, словно их обладатель видел всех насквозь. Навскидку ему было лет сорок, но борода мешала точно определить возраст, да и взгляд словно прибавлял лет. Этот тип показался Амели ещё неприятнее красавчика – если стрелять, то сразу в голову. Она в очередной раз напомнила себе, что пассажиры – друзья Льюиса, а ему точно можно доверять.

– Рад познакомиться, мисс... Мадемуазель Розье, – вдруг сказал он и протянул руку. От его голоса у неё дёрнулось что-то под рёбрами, почти больно... Амели машинально ответила на пожатие, кажется, никто не заметил её замешательства.

«Рыцари» отступили в сторону, и Льюис, прихватив за рукав последнего пассажира, подвёл его ближе. Амели показалось, что старый друг отца старается на неё не смотреть, и улыбка его выглядела несколько натянутой, когда он проговорил:

– А этот молодой человек – Гэбриэл Джефферсон.

Аристократ молча поклонился. Амели тоже наклонила голову, недоумевая, откуда взялась неуверенность Прохвоста. Чутьё говорило, что дело нечисто – и оно оказалось право. Льюис немного помолчал, шагнул к ней ближе и прибавил еле слышно:

– Гэбриэл – дракон. Не злись, милая, так вышло. Мы летим на Остров Королевы, без дракона туда... Сама понимаешь.

Амели тут же забыла про непонятные ощущения и всю команду «Чёрных рыцарей». Она полжизни избегала драконов, и на тебе, один из этих выродков у неё на борту! А Лююис хорош – он же знает, что она терпеть не может этих ящериц! Вот, значит, почему он до последнего скрывал место назначения – груз уже в трюме, и чёртов автомобиль тоже, и она бы вышвырнула всех за борт, но...

Ремонт. Закупка продуктов. Жалование команде.

Merde!

Амели улыбнулась как можно приветливее и произнесла:

– Добро пожаловать на борт, джентльмены.

Глава 4. Не все любят драконов

«Северный ветер», как им объяснили, был дирижаблем грузовым, комфортных кают не имел, но нехватка в экипаже позволяла использовать лишнее место для перевозки нетребовательных пассажиров. В предложенном им помещении имелись лишь две двухъярусные койки, узкий шкаф с раздвижными дверцами и крошечное зеркало с отбитым уголком – ни умывальника, ни прочих удобств, зато совсем рядом, через несколько дверей, была курительная комната, защищённая от возможных утечек газа из баллонов. В группе любителей табака не было, а любитель взрывчатки в ответ на ехидное предупреждение Себастьяна обиженно округлил глаза и сообщил, что он не дурак и сам всё понимает – причём лучше некоторых.

В вопросах пожарной безопасности Барни можно было доверять, до того, как попасть в группу, ему довелось работать на угольных шахтах. Коварный рудничный газ на практике приучал к осторожному обращению с огнём, чуть что не так – взрыв, обвал породы, смерть десятков, а то и сотен рабочих. Висящему в каюте шахтёрскому фонарю здоровяк обрадовался, как весточке из прошлого: с его слов выходило, что именно такие спасают множество жизней. Стекланный колпак, усиленный металлической сеткой, надёжно прятал открытое пламя, магнитный замок не позволял крышке слу-

чайно сдвинуться, и даже зажечь или погасить лампу можно было в закрытом состоянии. Удобная штука и для шахт, и для дирижаблей – случись утечка водорода из баллона, добраться до огня ему не удастся.

А ещё в этот раз в багаже здоровяка не было больших колб с нитроглицерином, которые Ник как-то видел в его рабочей комнате на базе «Щита». После шахт Барни много лет занимался взрывными работами в каменоломнях, и большие объёмы нестабильного вещества его не пугали, и несмотря на внешнюю наивность, специалистом он был отличным. Хотя, конечно, от вида десятка цилиндров из толстого стекла, свободно стоящих на обычной полке, словно банки с соленьями в погребе запасливой хозяйки, неподготовленному человеку становилось немножечко дурно.

Чистый нитроглицерин Барни не слишком-то жаловал, предпочитая более управляемые процессы, и в последнее время он активно экспериментировал с электрическими схемами. Они были сложными и не позволяли взрывать сразу много снарядов, потому прежнее начальство, которому требовалось сносить целые скалы, их не слишком одобряло, предпочитая мощность точности. Это навело любителя взрывчатки на мысль о смене работы – «Щит» охотно спонсировал эксперименты, и здоровяк не оставлял надежды изобрести надёжный и удобный электродетонатор. А пока что в трюм погрузили пару чемоданов, заполненных тротильовыми и динамитными шашками, катушки бикфордово-

го шнура и небольшой сундучок, забитый инструментами, пружинками и шестерёнками – механические взрыватели у Барни уже выходили неплохо.

Льюис поселился напротив, и ему, похоже, было не впервой путешествовать этим дирижаблем. А вот его спутник сервисом явно был недоволен. Ник ещё при первой встрече в баре обратил внимание, что Гэбриэлу вообще не нравилась идея куда-то лететь, а поведение Даррела позволяло предполагать некий шантаж. Это, пожалуй, могло служить поводом для раздражения – но как объяснить, что дракон непрерывно принюхивался и морщил нос, словно сортир находился не в дальнем конце коридора, а рядом с каютой?

Грег, обладавший тонким – для человека, – чутьём, на вопрос только пожал плечами. Дирижабль был полон новых, непривычных запахов, но ничего особенно неприятного нос не улавливал. Пришлось переключиться на сигналы от ушей – и страдания Барни, который весьма сомневался в своей способности втиснуться на койку. Да что там, он и в каюте-то с трудом помещался...

– Ник, а можно, я снаружи лягу?

– В коридоре? – рассеянно удивился командир группы, скидывая куртку и присаживаясь на своё спальное место. Не такая уж она узкая, эта койка. Постельное бельё, правда, было старым и застиранным, а на металлических стойках кроватей проглядывали пятна ржавчины, но им не раз приходилось ночевать в местах и похуже. Здесь хотя бы было сухо и

не воняло мышами.

– Не, на верхней палубе, – пояснил Барни. – Сейчас лето, не замёрзну – да ты ж знаешь, я вообще почти не мёрзну!

– Одной из частых проблем дирижаблей является оледенение корпуса на большой высоте, – задумчиво изрёк Грег. Он стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, и прислушивался к звукам, доносящимся из коридора. – Но корпус оттаёт, а ты, боюсь...

Себастьян, инспектировавший шкаф, фыркнул и с грохотом сдвинул дверцы.

– Если красотка-капитан пойдёт ночью по своим дамским делам, споткнётся о распростёртую по палубе тушу и рухнет прямоком в горячие объятия, оледенение ему не грозит. Хороша ведь, а, Барни? Жаль, я не додумался насчёт рукопожатия... Хотя я бы ей что-нибудь другое пожал.

У здоровяка порозовели уши – как всегда, когда разговор сворачивал в сторону женщин. Слов он в такие моменты обычно не находил, чем Себ бессовестно пользовался, но на сей раз Ник с некоторым удивлением поймал растущее внутри раздражение. Обычно его не задевали разглагольствования на подобные темы, но эта девушка...

– Угомонись, – бросил он. – Она здесь капитан, и успех нашего дела зависит от того, насколько качественно её команда выполнит свою работу. К тому же если тебя вышвырнут из её спальни, до земли придётся лететь очень долго. Хочешь повторить судьбу Коула?

– Да уж, жаль, что я не дракон, – хмыкнул Себастьян. – Было бы куда удобнее удирать от разгневанных мужей... Хотя эта дамочка не похожа на любительницу чешуйчатых и хвостатых. Видали, как на красавчика зыркнула? Будто загрызть собиралась, честное слово!

Ник хотел повысить голос, чтобы завершить обсуждение, но тут очень кстати принесли багаж. Льюис зачем-то настоял, чтобы их дорожные сумки грузили вместе с его тремя сундуками и паромобилем. Интересно, зачем ему машина на Острове Королевы. И что в сундуках – парадные костюмы? Коллекция трубок и запас табака? Инструменты для ускоренного изготовления гробов?

Барни тут же полез в сумку за гребнем. Капитан обмолвилась, что после взлёта пассажиров пригласят на завтрак, и здоровяк, единственный из всех, счёл необходимым привести себя в порядок – путешествие на скоростном паромобиле не лучшим образом сказалось на причёске. Разговор так и не возобновился – занятый своей косой Барни не реагировал на шуточки Себастьяна, да и вообще на внешние раздражители, а шутить для себя тому было неинтересно.

Ник прислонился к стене и прикрыл глаза, пользуясь возможностью собраться с мыслями. Себ был прав, Амели и впрямь смотрела на Гэбриэла недобро. Не хотелось бы, чтобы неприязнь капитана к пассажиру создала проблемы для группы, в конце концов, они и сами едва знакомы с этим типом. Но, пожалуй, нужно будет уточнить у Льюиса, какие

сюрпризы могут ждать их в пути.

Но всё же – что за запах так напряг дракона?..

Кают-компания оказалась светлой, но тесноватой. Большую её часть занимал стол, вокруг которого толпились обтянутые синим бархатом стулья. Обои тоже были в тон и, наверное, дорогими – но Ник, привыкший подмечать мелочи, видел, что кое-где цветочный орнамент выцвел, а с белых лилий осыпалась почти вся серебряная краска. Да и бархат на стульях не производил впечатления нового, а на паркете длинные царапины соседствовали с пятнами.

Очевидно, дела у хозяйки «Северного ветра» шли не очень, но на питании экипажа и пассажиров это не сказывалось. На белоснежной скатерти уже был сервирован традиционный завтрак, запахи тостов, кофе и обжаренного бекона были настолько аппетитными, что мысли опытного следователя то и дело сворачивали на еду. А вот Льюис бодро прошёл мимо стола к противоположной стене, увешанной полками, и расплылся в улыбке:

– А-а-а, старые знакомые! Давненько я их не видел...

Ник у сперва показалось, что полки заняты статуэтками, но Льюис пояснил – графины для кларета. Анри Розье, как выяснилось, был большим почитателем как сухих красных вин, так и сосудов для оных, чем необычнее, тем лучше. Стекло и серебро, птичьи головы и звериные лапы, цветоч-

ные орнаменты и чеканные виноградные листья...

– А вот эти два, и тот, с свиной головой, я дарил Анри лично, – Льюис покосился на Амели. – Я боялся, что они сейчас пылятся в какой-нибудь кладовке.

– Это память об отце, – сухо отозвалась девушка. – Я ничего здесь не меняла. «Северный ветер» был его домом, и... – Она на миг замолчала, потом быстро улыбнулась. – Прошу, присаживайтесь к столу. Когда наша повариха, Молли, узнала, что у нас гости, она была в восторге, мне не хочется обижать её и кормить вас холодным завтраком.

Ничего не меняла ради памяти об отце – отличная причина, чтобы не раскрывать финансовое положение и не жаловаться. Ника это вроде бы не касалось, а развивать тему в эту сторону было бы бестактностью. Но если прежде выбранный Льюисом дирижабль вызывал у него некоторые сомнения, то сейчас он был рад, что их деньги достанутся этой девочке – ей они определённо нужны. Однако если у неё всё-таки не хватит опыта, все сильно пожалеют.

С другой стороны, если дирижабль разобьётся, им точно не придётся беспокоиться о деньгах.

Повариха «Северного ветра» действительно постаралась на славу. Особенно её выбор блюд порадовал Барни: тот с восторгом в глазах сообщил, что белый пудинг точь-в-точь такой же вкусный, как у его тётки-ирландки, а бекон нарезан правильными, толстыми ломтями, а не тоненькими полосками, как это делают англичане, и не зажарен до хруста

на американский манер.

Похвалы гостя немного растопили сердце хозяйки, и её улыбка стала теплее.

– Это традиционный ирландский завтрак, – пояснила она, поддевая кончиком столового ножа шляпку обжаренного гриба. – Молли нечасто готовит полную версию, если съесть всё это, – она жестом обвела стол, – то потом очень сложно встать. Отец всегда любил ирландскую кухню.

Ник переглянулся с Себастьяном – ливерную колбасу, которую странные ирландцы по какому-то недоразумению называли «пудингом», оба терпеть не могли. А вот Грег, шотландец по происхождению, вкусы Барни разделял, хотя по поводу точной и единственно верной рецептуры эти двое порою устраивали долгие споры.

– Зато вина он предпочитал французские, – ухмыльнулся Льюис, накалывая на вилку сразу три ломтика бекона и половинку помидора. – Это, пожалуй, единственное, в чём проявлялась его любовь к родине.

– После французских вин он всегда пел только французские песни, – напомнила Амели, не переставая улыбаться. – Говорил, что так гармоничнее, и вы с ним соглашались, я это хорошо помню! А ещё очень гордился, что именно французы изобрели дирижабли.

Разговор прервал звон упавшей на тарелку вилки. Гэбриэл, пробормотав извинения, поднял её и снова принялся нарезать на крошечные кусочки одинокий тост, не делая попы-

ток его съесть. Нику показалось, что парень чересчур бледен даже для аристократа. Может ли дракон бояться высоты? Кажется, среди них бывают нелетающие, например, морские...

– Вы хорошо себя чувствуете? – вполголоса уточнил он. Ответом были вымученная улыбка и кивок, парень явно не хотел развивать тему.

– Драконы отличаются отменным здоровьем, – вмешался Льюис. Он глянул на Гэбриэла с хитрой улыбкой. – Готов поспорить, дело в воспоминаниях, а? Юный Уильям все уши в Драконвиле прожужжал историей о том, как его брат героически спалил пиратский дирижабль.

– Мистер Даррел, не нужно, – еле слышно попросил Гэбриэл, не прерывая своего занятия. Вилка неприятно скрипнула по фарфору.

– Отчего же? По словам парнишки, эпический вышел бой, достойный воспевания в героических балладах! Да ещё и после первого превращения – не каждый справится, а впечатления в таких случаях остаются надолго. Но не беспокойтесь, мальчик мой, вряд ли мы заинтересуем джентльменов удачи. Анри всегда говорил, что по виду этого обшарпанного корыта ни за что нельзя угадать, что именно оно везёт!

Амели порозовела и чуть прищурилась – похоже, мнение отца о маскировке она не разделяла.

– Спалил дирижабль? – переспросила она холодно. – Надеюсь, тот, на котором вы летели, не пострадал. Драконов ведь учат правильному обращению с огнём?

Гэбриэл вдруг поднял голову, глядя на капитана так, словно впервые увидел.

– Скажите, – хрипло проговорил он, – а ваш приёмный отец... Был драконом?

Амели распахнула глаза и, откинувшись на спинку стула, скрестила руки на груди. О том, что капитан Розье удочерил девочку, Льюис обмолвился ещё по дороге, но он же советовал эту тему не поднимать – хотя дракон, похоже, пропустил совет мимо ушей.

– Или, может быть, кто-то из старших родственников? Или... – Гэбриэл на миг запнулся и, глубоко вздохнув, снова поморщился. – Может, кто-то из членов команды или предыдущих пассажиров?

– Нет, – процедила Амели сквозь зубы. – Вы, сэр, первый дракон, ступивший на борт за последние пятнадцать лет. Ваши сородичи обычно выбирают для путешествий что-то лучше обшарпанного грузового корыта, не так ли?

Ответить Гэбриэл не успел. Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге появилась незнакомая молодая женщина, в отличие от Амели одетая во вполне приличное тёмно-голубое платье. А вот о причёске она явно не беспокоилась, попросту связав волосы лентой на затылке, и густые тёмные кудри почти свободно падали на плечи. В сочетании со смуглой кожей и тёмными глазами образ выходил несколько цыганский, хотя и не лишённый привлекательности.

– Джентльмены, я вынуждена похитить капитана, – про-

пела она и многозначительно помахала какой-то бумагой. – Погода меняется.

Амели глубоко вздохнула, поднялась и попыталась улыбнуться.

– Кармина Росси, наш метеоролог, – представила она незнакомку. – Прошу прощения, джентльмены, я...

Её снова перебил звон упавшей вилки, и тут же зазвенели другие приборы, когда Гэбриэл сжал кулаки, сминая скатерть.

– Запах, – пробормотал он. – Драконий запах... Вы!

Он резко вскочил, ткнул пальцем в побледневшую Кармину, и Ник, в то же мгновение оказавшийся на ногах, заметил на кончике пальца изогнутый коготь. Про способность некоторых драконов к частичному превращению он слышал, и сын Королевы явно был в числе умельцев. Но размышлять было некогда – Амели уже выхватила пистолет, недвусмысленно направив его на возмутителя спокойствия.

– Потихе, приятель, – Ник ухватил Гэбриэла за рукав, вынуждая опустить руку. – Давай-ка без когтей, клыков и прочего... В чём дело?

– Зс-с-сапах, – повторил тот. Глаза его словно наполнились расплавленным золотом, на щеках проступили чешуйки. – Она... пахнет... драконом... агрес-с-с-с-сивным...

Он пошатнулся и схватился за край стола. Ник придержал его под локоть, окинул выразительным взглядом свою команду – оружия видно не было, но в том, что Себастьян при

необходимости успеет выстрелить раньше, чем Амели, сомневаться не приходилось. Следующий взгляд достался капитану.

– Мадемуазель?

После уверений, что на дирижабле вот уже пятнадцать лет не ступала нога дракона, представить, что один прячется под юбкой метеоролога, было непросто. Но ситуация требовала пояснений.

– Кармина – тоже не дракон, – бросила Амели. Убедившись, что Гэбриэл не намерен бросаться на людей, она опустила руку с пистолетом, но убирать оружие не стала. – К вашему сведению, мистер Джефферсон, мы обе их терпеть не можем, и на то есть веские основания. Я сделала для вас исключение по просьбе мистера Даррела, но если вы не будете соблюдать элементарных приличий, дальнейший путь вам придётся проделать своим ходом. Это несложно для героического победителя пиратов, правда?

Гэбриэл мотнул головой и снова покачулся.

– Она пахнет драконом, – с явным трудом проговорил он. – Может быть, встречалась, или...

Неожиданно Кармина рассмеялась, а потом повернула голову.

– Видите? – Она провела кончиками пальцев по щеке, и Ник разглядел кривой шрам. – Вот такими штучками заканчиваются встречи с вашим видом, и мне бы не хотелось обзавестись вторым. А что до запаха... Да, мистер Чуткий нос,

он есть. Секрет прост – духи.

Она небрежным жестом вынула из-за ворота платяя крошечный флакончик на цепочке, сняла пробку и взмахнула ею, распространяя парфюм по помещению. Нику аромат показался странным, хотя и не слишком неприятным, с лёгкой ноткой цитрусов. Но Грег поморщился – а Гэбриэл и вовсе попытался шагнуть назад и едва не упал.

– Отлично действует, – ухмыльнулась женщина. – Одна моя знакомая водит шашни с таким вот хвостатым. Дура, как по мне, но дура полезная... Так вот, он её, знаете ли, ревнует страшно. И создал это, – она снова продемонстрировала флакончик. – Вроде как пометил, дескать, моё, не тронь. Чтобы другие драконы к ней не совались. Вот и вы, мистер, лучше не суйтесь, целее будете.

Она широко улыбнулась, развернулась на каблуках и вышла. Амели раздражённо вздохнула, повела плечами и последовала за подругой.

Хлопнула дверь.

– Грег, открой окно, – негромко скомандовал Ник, помогая Гэбриэлу усесться и наливая ему кофе. При всей его нелюбви к драконам парень сейчас выглядел откровенно жалко. Пожалуй, с вопросами стоит подождать до тех пор, пока эта тонко чувствующая натура придёт в себя.

Чутьё подсказывало, что ответы будут весьма интересными.

Глава 5. Метеорология и магия

– Старая кровь более не годна.

От этой фразы по кабинету будто пронёсся порыв ледяного ветра. Женщина поёжилась:

– Сожалею, что не могу помочь вам в...

Она не смогла закончить, её грубо оборвали:

– Сожаления не поднимут в небо корабли. Но есть запасной план.

Сердце «Северного ветра», капитанская и рулевая рубка, располагалась на закрытой второй палубе, отделённая от скромных кают и служебных закутков лишь раздвижной дверью. Помещение могло похвастаться обилием заклёпок, деревянными вставками между окнами, штурвалом из красного дерева и двумя большими креслами – снаружи металлическими, а внутри комфортными и мягкими, обитыми бордовой тканью. Панорамные окна – особенная любовь Амели, – были до блеска отмыты, и ничто не мешало солнечному свету скакать шаловливыми бликами от статоскопа, приборов давления, креномера и магнитного компаса.

Кармина металась по рубке, шурша юбками: то присматривалась к штормглассу, то поглядывала на приборы, что-то эмоционально бормоча себе под нос на итальянском. Бу-

маги, полученные в порту, последние сводки погоды на их примерном маршруте Драконвиль – Гавайи, в любую минуту могли разлететься, настолько сильно она жестикулировала. Амели много раз видела, как миниатюрная подруга фурией кружит по рубке, если что-то не так, и не мешала ей в эти моменты – правда, опасалась, что мисс Росси однажды запутается в полах своей одежды и рухнет. Но она держалась уже несколько лет, и команде надоело ждать фиаско «этой нахлебницы». Мужчины смирились с её существованием на борту и даже перестали говорить, что метеорология и всякие мисс – несовместимые вещи.

Кармина была в одной лодке с Амели, они не могли не познакомиться. Среди экипажа, на две трети состоящего из мужчин, им только и оставалось, что поддерживать друг друга. Повариха Молли не в счёт: экипаж воспринимал её как один из механизмов дирижабля. Несмотря на то что Амели не стремилась к пополнению штата женщинами и Кармину им навязали, между девушками возникли действительно дружеские чувства. Они обе были самоучки, учились у отцов: Кармина рассказывала, что пыталась поступить в университет, но даже с отцовской протекцией её не взяли, а играть в переодевание ей казалось не под силу – не выходил из неё юноша, совершенно никак. Не смотря на все препоны, Кармина редко ошибалась в расчётах и была точна, насколько это вообще было возможно, с такой необузданной мощью, как природа. Амели с уважением относилась к её работе. Обе-

им работам, на самом деле: Кармина также помогала Молли в готовке, а выносить кухонную тиранию поварахи не всем было под силу.

– Чёртов попугай опять загадил мне карты! – вскрикнула Кармина, рассматривая ворох бумаг на обширном столе. Это было её рабочее место.

– Извини, на него не надеть панталоны, – миролюбиво отозвалась Амели, мысленно желая птице облысения. Непонятно, за что его любил отец. Скорее, вопреки всему.

Кармина тяжело вздохнула и опёрлась обеими руками на стол. В льющемся сквозь большие окна солнечном свете тонкий, но уродливый шрам на её щеке выделялся особенно сильно.

– Дракон на борту, ты серьёзно? – наконец выпалила она. Амели ждала этой вспышки и ничуть не сердилась за нарушение субординации – наедине они могли говорить как подруги.

– Я сама не знала, прости. Мне тоже неприятно.

– Ненавижу тварей, – прошипела Кармина.

История мисс Росси в своё время сильно отозвалась в сердце Амели, уж кто, как не она, был осведомлён, насколько жестоки могут быть драконы не только к людям, но и к сородичам. В любом случае, девушки, женщины, девочки для них были не более чем расходным материалом. Говорили, что никто не смеет обидеть женщину, способную родить дракона, что её едва ли не боготворят, но, похоже, деду Амели и

его скользкому другу было плевать. Дед хотел только исполнения своей мечты, а для этой цели все средства хороши. С Карминой тоже произошла история, оставившая след на всю жизнь: ей не повезло отказать в близости дракону. Она даже не знала, кто он, принимала подарки, ухаживания, влюбилась и мечтала о пышной свадьбе. Её кавалер не спешил с браком, зато склонял благовоспитанную девушку к близости. Однажды она поняла, что не будет с этим человеком истинного счастья и семьи. Она отказала в последний раз и разорвала отношения. Чего она не ожидала, так это внезапно появившейся чешуи вокруг глаз бывшего ухажёра и острого когтя вместо пальца. Он сказал «живи, пташка, но не забывай, что ты дичь», затем полоснул её по щеке.

Спустя некоторое время напуганная вседозволенностью драконов девушка оказалась на пороге организации по защите женщин и детей. Там одна ступенька по инстанциям, затем другая, и Кармина попала в распределение и трудоустройство женщин. Организации, подобные этой, как раз набирали вес, и их голос слышался всё сильнее. Последние годы им не отказывали в просьбах взять на работу подопечных – Амели не раз слышала, что организации по защите курировал кто-то очень-очень влиятельный.

Кармина передёрнула плечами и вернулась к работе:

– Так куда мы летим?

– На Остров Королевы драконов, – с напускным спокойствием ответила Амели. – Мистер Даррел, наш наниматель,

дружил с моим отцом, и они там бывали. Один раз, правда, но я и старпом помним дорогу, и карта сохранилась.

Амели вытащила из кармашка на поясе ключ и отперла сейф – им служила ниша в стене рубки, закрытая металлической дверцей с замком. Капитан Розье говорил, что от команды прятать нечего; коли не доверяешь людям, так гони их в шею, а не городи тайники. А заперто было лишь для сохранности и защиты от пернатого вредителя.

– В целом без приглашения на Остров Королевы не попасть, тем более людям: вокруг него сильные магические завихрения, из-за которых все посторонние сбиваются с пути, а кто не сбивается – попадает в бурю или на скалы, – сказала Амели расстилая карту. – «Северный ветер» – единственный дирижабль из всего воздушного транспортного флота, который бывал на острове.

Капелька гордости за то, что хоть где-то они впереди всех.

– Вот, посмотри, это маршрут до островов. В путевом листе указано, что мистер Даррел отправляется за сахаром, но... – Амели постучала ногтем по одинокому безымянному острову неподалёку от Гавайев. – Этого клочка суши нет на остальных картах. Это Остров Королевы.

– И как же нам пройти эти завихрения? У нас нет мага в команде, – Кармина вопросительно уставилась на капитана. – Учитывая нашу парусность, может быть совсем не просто.

Каждый рейс был испытанием и для метеоролога: от ка-

призов погоды и её быстрых перерасчётов в случае чего зависела карьера на этом судне. Но Кармина искренне любила своё дело, пусть над расчётами многие смеялись и продолжали верить наслонявленному пальцу.

– У этого манерного дракона... – Амели запнулась, поморщилась: – Гэбриэла, есть некий амулет, который может взаимодействовать с нашими приборами. Отцу давали другой, я не знаю, как они работают.

Она достала всё из той же сумочки небольшой продолговатый розовый камень цилиндрической формы: Льюис уже вручил ей непонятную вещь. Повертела в руках, показывая Кармине, и убрала обратно.

– Так что у нас с погодой?

– Небольшой шторм возможен на подлёте к Гонолулу, но ничего серьёзного быть не должно. Тем более, мы, получается, обогнём острова, – пожала плечами метеоролог и вздохнула. – Откровенно говоря, Амели, зря ты отклонила предложение о покупке «Северного ветра» тем коллекционером. Он давал очень много: небольшой кредит сверху, и можно было взять дирижабль новой модели, как стоят сейчас в порту.

Это была их тайна. Разговор с человеком, который хотел купить старый тяжёлый дирижабль, так и не состоялся, лишь переписка. Амели даже обиделась на предложение: этот корабль – её дом, она никому его не отдаст. Пусть у него скорость маленькая из-за того, что между гондолой и оболочкой

баллонов открытое всем ветрам пространство, из-за чего парусность выше, а манёвренность ниже, пусть верхняя палуба на большой высоте превращается в каток и выйти на неё невозможно... Пусть.

Однако она понимала Кармину, да и команда с завистью поглядывала на новые красивые суда. Возможно, однажды «Северный ветер» совсем устареет, но не сейчас.

Амели это утро казалось бесконечным. Столько событий произошло, а они даже трап не убрали. И Жаркое не вернулся. По крайней мере, не было слышно его словечек. Пришло время сообщить команде, куда они летят.

Для быстрого обмена информацией между палубами тянулась сложная система труб. В одном конце кричали, в другом принимали приказ. Длинные слова теряли по дороге свои звуки и превращались чёрте во что, поэтому о расшаркивании речи не шло вовсе. Амели просто рявкнула: «Кирк! Ап!», что означало прямой приказ старпому подняться в рубку. Второй конец этой переговорной трубы выходил в машинное отделение, поскольку старпом обычно находился либо в самой рубке вместе с капитаном, либо в моторном отсеке, соединённом с трюмом.

Кармина занялась своими картами, начала что-то чертить и, кажется, успокоилась. Амели мельком подумала, что надо бы спросить, почему она возвращается на судно позднее всех, но эту мысль бесцеремонно вытеснил образ молчаливого пассажира. Доминик Джонс будто снова стоял перед

ней, прожигая своими тёмными глазами. Интересно, что такое он делает с драконами? Амели хотела бы расспросить. Хорошо бы у него имелась коллекция их зубов. Возможно клык её деда. Было бы расчудесно!

– Кэп? – Появление старпома рассеяло мстительные мечты.

– Мы готовы отшвартоваться?

– Груз и продукты в трюме. Моторный отсек готов. Теперь можно узнать, куда мы направляемся?

– Помните Остров Королевы, мистер Кирк?

Старпом открыл рот, тут же со стуком его захлопнул и побагровел:

– Я знал. Мозоли на моей заднице заныли, стоило мистеру Даррелу ступить на борт. Капитан Розье, – процедил он, – в прошлый раз едва провёл судно к проклятому острову. Это очень опасный рейс.

– Знаю, я присутствовала при этом, – холодно ответила Амели. – Поскольку капитан Розье теперь я, аванс за рейс принят и даже потрачен на нужды судна и экипажа, то мы не можем отказаться.

Два главных человека на корабле злобно сверлили друг друга взглядами. Наконец, Амели вздохнула:

– Мистер Кирк, я бы не взяла этот рейс, но мистер Даррел до последнего скрывал пункт назначения. И я рассчитываю на профессионализм команды, на борту нет истеричных баб. Так ведь? Вы их не встречали?

– Не встречал, – почти плюнул под ноги всё ещё багровый старпом. – Пойду предупрежу людей, что рейс не простой.

– Мистер Кирк, причальная команда ждёт нашего взлёта. По последним сводкам в обед ожидается боковой ветер. Нужно успеть до него, – Кармина, ничуть не смущённая сценой между капитаном и старпомом, деловито складывала свои бумаги.

– Выходим в рейс, мистер Кирк, – приказала Амелии.

Он шагнул к ней ближе, почти вплоты и шепнул, чтобы больше никто не услышал:

– Я обещал твоему отцу помогать и присматривать за тобой, девочка. Только не думай, что ты тут умнее всех, и угробить команду я тебе не дам. – Он отступил и добавил громче: – Понял, капитан. Распоряжусь.

Старпом приподнял свою неизменную кепку с маленьким козырьком и вышел.

Ситуация с командой может ухудшиться, подумала Амели. Кирк постоянно недоволен, хотя на открытый конфликт не шёл. Амели полжизни провела на этом дирижабле, общалась с командой, знала, у кого какой характер, слушала их разговоры, подмечала для себя детали о каждом – так учил отец. Иногда члены экипажа менялись: одни уходили на пенсию, кто-то на другое судно, и приходилось изучать новеньких. Кирк занял место предыдущего старпома семь лет назад. Он был смелым, решительным и метил выше – в идеале хотел стать главным. А тут так некстати дочь капитана:

совсем не нежная барышня, знающая дирижабль до последней заклёпки. Единственное, в моторах не сильно разбира-лась, зато обладала чуйкой и характером. Кирк затаился. Та-кие, как он, не плохие люди, просто хотят получить от жиз-ни больше, взять где возможно. Как на члена команды она могла на него положиться с уверенностью, а вот как на чело-века... Тут подход нужен, соблюдение давления, как в бал-лонах: где мало добавить, где много – стравить. Если её сме-стят с должности, податься будет некуда – она больше ниче-го не умеет. Служить на чужом дирижабле? Такого позора она не вынесет. Накопить на новый? Это что-то сказочное. Удачно выйти замуж? У неё нет семьи, которую можно по-казать и гордиться. Её истинную родню лучше не встречать. И наследство, которое за ней могли бы дать, не принесёт ни-чего хорошего.

На самом деле Амели была богата, но за это состояние, решись она вернуться в отчий дом, пришлось бы расплатить-ся кровью. В перспективе – лишь организация, которая при-строила к ним Кармину. Остаётся надеяться на то, что ко-манда помнит её навыки – а их нельзя оспорить, – и тот шторм, из которого они все вышли живыми благодаря её чу-тью и уверенности.

Амели покинула рубку и вышла на верхнюю палубу.

Судно готовили к взлёту: выгрузили балластные мешки, затем отвязали от причала. Свисающие фалы команда втянет на борт после взлёта, они нужны для корректировки, в слу-

чае порыва ветра. Нет ничего более неуправляемого, чем дирижабль над взлётным полем, когда его может снести в сторону – и только ветер знает, какая это сторона. Причальная команда махнула красным флагом, что означало одобрение взлёта, и «Северный ветер» начал неторопливо подниматься.

Амели посмотрела вниз на удаляющуюся землю и почувствовала облегчение. Сверху все проблемы и страхи всегда кажутся крохотными, как человеческие фигурки в порту. Она почти бежала в рубку, не сдерживая радостной улыбки. Прощайте тревога и ночные кошмары! На высоте и в полёте у вас нет власти.

Как назло, пассажиры намерились выйти подышать воздухом и заняли всю узкую лестницу со второй на первую палубу.

– При наборе высоты покидать помещения запрещено, – отчеканила Амели, нетерпеливым жестом велел гостям освободить проход.

Толстяк отступил без вопросов, как и его командир.

– Почему это? – иронично вздёрнул бровь Себастьян.

– Потому что если вы тот, за кого себя выдаёте, то крылья вам от природы не положены.

– Подвинься, Себ, – спокойно приказал мистер Джонс и слегка кивнул Амели. – Капитан торопится.

Амели поспешила мимо них в рубку. Между лопаток противно сверлил взгляд, и она точно знала, кому из четвёрки

он принадлежит.

Глава 6. Дракон не в своей тарелке

Кофе помог – чешуя постепенно исчезла, когти втянулись. Некоторое время Гэбриэл смотрел на дно чашечки, словно надеялся найти в кофейной гуще ответы на какие-то вопросы, потом закрыл лицо ладонями и глубоко вздохнул.

– Прошу прощения, джентльмены, – проговорил он едва слышно. – Я... Был уверен, что смогу лучше себя контролировать.

Прежде чем начать задавать вопросы, Ник предупредительно взглянул на Льюиса – сейчас ему не нужны были посторонние комментарии. Потом тоже пригубил кофе и потянулся за круассаном.

– И что помешало? – уточнил он, разламывая булочку пополам, чтобы добраться до начинки. Похоже, здешняя повара имела представление не только об ирландской кухне.

Гэбриэл снова вздохнул, опустил руки и попытался улыбнуться.

– Я выглядел полным идиотом, – проговорил он. – Нужно будет извиниться. Я уже летал на дирижаблях после того, как... Но к этому, – он скривился, – готов не был.

Дракон явно чувствовал себя виноватым, отмалчиваться или врать не пытался. Про пиратов, напавших на пассажирский дирижабль пять лет назад, он рассказал подробнее, хотя избегал подчёркивать свою героическую роль в сраже-

нии. Нику показалось, что победа Гэбриэла вовсе не радуется – переживания, что он едва не погиб сам и подверг опасности брата, были куда сильнее. Первое превращение всегда оставляет в душе дракона сильный след, но десятилетний Уильям, к счастью, вышел из этого приключения без серьёзных травм.

– Погодите, – Ник сдвинул брови. – Первое превращение? Пять лет назад? Но драконы...

– Меня воспитывали как человека, – несколько резко отозвался Гэбриэл. – Я вообще не знал, что... Неважно. Но превращаться в двадцать пять куда сложнее, чем десять. Лорду Элессару пришлось работать со мной почти год, прежде чем я смог хотя бы смотреть на дирижабли.

– Он отлично разбирается в этой теме, – хмыкнул Люис. – Но некоторые упрямы... Ладно-ладно, молчу.

– Тогда в чём проблема сейчас? – уточнил Ник. – Духи мисс Росси?

На лице Гэбриэла мелькнула гримаса отвращения, но он быстро взял себя в руки.

– Это не просто духи. Это... – Дракон пошевелил губами, подбирая слова. – Действительно в некотором роде метка. Как у кошек, знаете?

Себастьян невежливо хрюкнул и зажал рот ладонью. Ник контролировал себя лучше, но образ дракона, по-кошачьи метящего территорию, отогнать удалось не сразу.

Гэбриэл реакции собеседников не заметил – или хорошо

сделал вид.

– Разница в том, – продолжал он, – что у кошек в наличии только феромоны, а драконы используют магию. Большинство меток считывается на подсознательном уровне, это как вежливое предупреждение – ты просто знаешь, кто хозяин вещи, или чей это дом. Здесь же... – Он снова скривился. – Ощущение, что в любой момент из-за угла может выскочить неадекватный дракон и напасть. Это агрессия в чистом виде.

Ещё один глубокий вдох, пауза. Ник не торопился, но слушал внимательно, понимая, что такую информацию от кого попало не услышишь, да и сейчас им, можно сказать, повезло. Духи мисс Росси содержали сильный, сложный феромон, которым драконы древности метили разве что сокровищницы, и для чуткого носа это послание выглядело как «Не подходи, убью!» Такие сильные метки позволяли драконам охранять свою территорию, не вступая в прямой конфликт с сородичами, что сводило к минимуму возможность получить травму или погибнуть в бою. Драконов и в древние времена было слишком мало, и большинство из них разумно старалось обходить запретные территории.

Духи мисс Росси содержали особо концентрированный запах, и дополнительные ароматизаторы усиливали эффект. Драконы, пожалуй, действительно не стали бы приближаться к женщине с подобной благоухающей вуалью, да и особо чуткие люди считали бы угрозу и даже не задумались, почему эта дама кажется настолько неприятной. Однако ставить

подобные метки в густонаселённом городе считалось невежливым.

– У меня, к сожалению, очень тонкое чутьё, – признался Гэбриэл. – Даже лорд Элессар отмечал... Проблема в том, что настолько агрессивные запахи выбивают меня из равновесия – что вы и имели неудовольствие наблюдать. Пожалуй, стоит попросить прощения у капитана и передать извинения мисс Росси. Вряд ли мне стоит с нею встречаться.

Ник отметил оговорку про особенное чутьё – возможно, пригодится, – и предположил:

– Видимо, тот дракон очень дорожит своей подругой.

Гэбриэл передёрнул плечами и потянулся за кофейником.

– Метить человека, как будто вещь, которой можно распорядиться по своему усмотрению... Отвратительно. Мисс Росси, мне думается, этого не осознаёт. Большинство драконов этот запах, конечно, отпугнёт – зато оставшиеся начнут задавать неприятные вопросы. Не говоря о том, что ей однажды может попасться автор этих духов. Хотя вполне вероятно, что она с ним и так знакома, я не очень-то верю её словам про подругу.

Повисла тишина. Ник мысленно поставил себе пометку узнать о мисс Росси побольше. Это не касалось его расследования, но дополнительная информация о драконах и их повадках всегда кстати.

– Вряд ли на этом дирижабле ей приходится часто сталкиваться с драконами, – проговорил он вслух. – Помните, что

сказала капитан – за пятнадцать лет вы первый.

Гэбриэл издал скептический смешок и впервые за время разговора поглядел Нику в глаза.

– Я понимаю, что есть лишь моё слово против капитанского, а вы едва знаете нас обоих. Однако с учётом вашего расследования... Думаю, вам стоит быть в курсе. – Он сделал паузу и с расстановкой проговорил: – На этом дирижабле я чувствую запахи троих драконов.

Взгляды скрестились на Льюисе. Тот хмыкнул и покачал головой.

– Это не моя тайна, джентльмены, – проговорил он. – Я могу вас заверить, что ни один человек на этом дирижабле не представляет для вас опасности. Я знаком Амели уже пятнадцать лет, а до этого дружил с её отцом, и кое с кем из команды тоже неплохо знаком. Это надёжные люди, поверьте, и они никак не связаны с... Сами знаете, с кем.

Верить слову человека с прозвищем Прохвост не стоило по определению. Ник был уверен, что подставлять их Льюис не стал бы точно, но собственное профессиональное любопытство не желало сидеть смирно, когда рядом маячит нераскрытая тайна. В конце концов, от того, что они просто пообщаются с экипажем, вреда никому не будет, верно?

И ведь ему действительно интересно.

Гэбриэл ушёл в каюту отдохнуть и медитировать, пообе-

щав, что подобных инцидентов больше не будет. Ник отнёсся к его словам скептически, слишком уж легко дракон покрывался чешуёй и отрачивал когти. Впрочем, пусть посидит взаперти, всем будет спокойнее.

На всякий случай Льюиса попросили сходить в рубку, объяснить ситуацию капитану и принести необходимые извинения. Ник, пользуясь его отсутствием, раздал указания команде – возможно, здешние тайны и не касались расследования, но не хотелось столкнуться с очередным неприятным сюрпризом прямо над Тихим океаном. До Острова Королевы им лететь ещё больше суток, а потом ещё возвращаться, и стоило изучить обстановку и настроения.

Барни отправился выражать искреннее восхищение здешней поварихе – о кулинарии он мог разговаривать долго, страстно и почти с тем же знанием дела, с каким говорил о типах взрывчатки. Себастьяна Ник сперва хотел подослать к Кармине, но, столкнувшись на лестнице с капитаном, передумал – взгляд Амели говорил о том, что она вовсе не против того, чтобы отправить неприятного пассажира в вольный полёт. Стоило предположить, что и подруга капитана разделяет её мнение, а потому к ней отправили Грега – тот и сам заинтересовался необычными духами и надеялся получить капельку для экспертизы. Второй за неделю случай вещества, странно влияющего на драконов, мог быть всего лишь совпадением – но информация лишней не будет.

В итоге Себастьяна Ник отправил общаться с матросами,

а сам поймал выходящего из рубки Льюиса.

– Сэр?

– Всё нормально, – отмахнулся тот. – Девочки действительно терпеть не могут драконов – в целом вряд ли можно их за это винить. Но Гэбриэл – довольно смирный парень, дай ему интересную книжку – так и просидит в каюте до самого выхода. Я объяснил про духи, мисс Росси любезно согласилась пару дней попользоваться другими – при условии, что вероятность встреч сведётся к минимуму.

Ник кивнул, но с места не сдвинулся, продолжая перегораживать узкий коридор. Мрачный взгляд исподлобья и существенная разница в росте сделали своё дело – Даррел сперва попытался выпрямиться и расправить плечи, потом осознал бесполезность усилий и раздражённо вздохнул.

– Всё так же любишь совать нос в чужие дела, а?

– Я отвечаю за безопасность моих людей, а сейчас она зависит от капитана. Хочу убедиться, что нас не ждёт очередной неприятный сюрприз.

Льюис наставительно поднял палец:

– Доверие, мальчик мой...

– Вы знали о проблемах мистера Джефферсона с дирижаблями. Стоять рядом с драконом на грани превращения в замкнутом помещении – не самый приятный опыт. Что, если мы успели бы подняться – а он столкнулся с мисс Росси один на один?

– «Если», – передразнил Льюис. – Не выдумывай несущее

ствующих проблем, ты не истеричная барышня.

– Именно. Поэтому мне нужны факты. Три дракона? Я допустил бы, что он ошибается – но ведь вы ни капли не удивились.

Ответом ему был ещё один тяжкий вздох. Льюис поднял глаза к потолку, пошевелил губами, потом фыркнул, словно сердитая скаковая лошадь, и огляделся, убеждаясь в отсутствии лишних ушей.

– Амели... – он поморщился и поманил пальцем, вынуждая Ника наклониться ближе. – Ты ведь знаешь, кто такой Сергей Змиев.

Имя Льюис произнёс с сильным акцентом, но Нику оно действительно было прекрасно знакомо. Богатый русский эмигрант, сталелитейный бизнес, железная дорога, какие-то шахты...

Его бывший помещик.

Трёхголовый дракон.

Но ведь это значит, что эта девушка... Проклятье, как он мог её не узнать?!

Льюис, наблюдавший за его лицом, кивнул.

– В девочке тогда проявилась его кровь, – проговорил он негромко. – Змиев обрадовался, поставил метку. Очень, знаешь ли, хотел внуков-драконов. Но она не перенесла бы, кхм, замужества.

Ник заставил себя расслабить пальцы: от нахлынувших воспоминаний кулаки норовили сжаться сами собой.

– Замужества? – очень тихо переспросил он. – Ей было десять лет!

Льюис нервно огляделся.

– Именно поэтому, – с нажимом проговорил он, – лорд Элессар тогда по моей просьбе осмотрел девочку и замаскировал метку. У Гэбриэла действительно исключительно тонкое чутьё, но никто другой не сумеет определить в ней потенциальную невесту. Я ответил на твой вопрос?

Ник помотал головой, отгоняя злость и вызвавшие её воспоминания, и пересчитал драконов. Значит, неизвестный автор духов – раз, упомянутый Льюисом лорд Элессар – два, и три – сама Амели, в которой проявилась кровь деда...

– Она ведь не помнит меня, верно?

– И я бы на твоём месте не напоминал, – кивнул Льюис. – Ей слегка приглушили память – чтобы сохранить секреты, всё же ребёнок, мало ли, но Анри говорил, что первое время ей часто снились кошмары.. – Он немного помолчал, потом хитро сощурился: – Если она тебя заинтересовала, ты вполне можешь познакомиться с ней заново, узнать, так сказать, поближе... Она весьма милая девочка.

Льюис многозначительно подмигнул, и Ник ощутил укол недовольства. Нет уж, ему хватило в своё время одной весьма милой девочки, чтобы приобрести привычку обходить всех прочих по широкой дуге.

– Мне важнее, чтобы она была хорошим капитаном. Насколько я знаю, дорога к Острову Королевы непростая, не

хотелось бы закончить свои дни на дне моря.

Улыбка Даррела в полумраке коридора показалась ему уверенной и – самую чуточку, – гордой.

– Она – истинная дочь Анри Розье, – произнёс он. – Если она не сумеет доставить нас до места, я съем свою шляпу. А теперь дай пройти, в конце концов!

Ник, не скрываясь, хмыкнул, но посторонился. Если Амели не справится с задачей, шляпу Даррела смогут съесть разве что морские твари – как и его самого.

Но говорить об этом Ник не стал.

Собранные командой сведения оказались интересными.

Повариха Молли о «своей девочке» говорила много, подробно, с удовольствием – но малоинформативно. Теперь Ник знал, какие булочки Амели предпочитает на завтрак, в кого она влюбилась в пятнадцать лет и как этот кто-то огрѐб от поварихи половником, однако о профессиональных качествах капитана Барни почти ничего не узнал.

С другой стороны, Молли как никто разбиралась в отношениях между членами экипажа – выяснилось, что не все рады назначению девчонки, а двое и вовсе покинули «Северный ветер» в ближайшем порту, как только узнали, кто теперь будет ими командовать.

Таких упѐртых, не желающих признавать, что женщина может быть капитаном, за полгода встретилось немало. Кли-

енты, потенциальные работники, другие капитаны... Амели не жаловалась, но Молли прекрасно видела, как задевают её подопечную их суждения и взгляды. Девушка не сдавалась – когда Барни рассказывал об этом, в его голосе звучали нотки уважения и сочувствия.

Кармине тоже приходилось нелегко – но она, по крайней мере, не отвечала за весь экипаж разом и никем не командовала. Грег не обладал ни простодушным обаянием Барни, ни жгучим очарованием Себастьяна, но умному мужчине не так уж сложно найти общий язык с женщиной – особенно при условии, что он готов признать её действительно умной. Но хотя мисс Росси охотно поддерживала беседы о метеорологии и фармацевтике, от интересующих тем она уходила с лёгкостью. О капитане она предпочла не распространяться: «вы ведь не хотите, чтобы я пересказывала сплетни?», о духах повторила всё то же, что в кают-компании. Грегу удалось получить каплю вещества на платок, для последующего анализа, но этим его успехи и ограничились.

Больше всех повезло Себастьяну. Парень легко нашёл общий язык с простыми матросами и механиками, которые были не прочь обсудить симпатичную девушку, даже если она капитан. Большая часть экипажа скорее уважала Амели – на любопытствующего вывалили целый ворох историй о том, как хрупкая девушка, не боясь запачкать ручки, училась понимать огромный дирижабль, вязать узлы, крутить гайки, взбираться на самый верх, чтобы поставить заплатку на обо-

рочку баллонов. Капитан мог бы вырастить из приёмной дочери изнеженную барышню в кружевах, но он, как теперь понимали все, воспитывал преемницу – и гонял девчонку так же жёстко, как и любого члена команды.

Часть баек, впрочем, принимать всерьёз не стоило. Себастьян изображал искренний восторг человека, не слишком-то разбирающегося в вопросе, однако его отец, а потом и старший брат в своё время командовали дирижаблем похожей модели, и Себ, успевший до попадания в «Щит» полетать с ними, тоже кое-что понимал.

– ...И вот он мне говорит – капитан может провести судно через туман с закрытыми глазами, и не сбиться с курса! – с усмешкой проговорил он. – Якобы чутьё какое-то особенное, и всегда знает, где север-юг, никакого компаса не надо. Или вот ещё гора у них как-то на пути возникла, и если бы не капитан... – Себастьян хмыкнул и покачал головой. – Половину баек, что мне нам наплели, я уже точно слышал про кого-то другого. Но в целом, говорят, капитан она хороший. Была б парнем – вообще никаких претензий.

Он вскинул голову, услышав хлопанье крыльев. Живущий на дирижабле попугай имел скверный характер – а также дурную привычку к прицельной «стрельбе». На сей раз ара не удостоил пассажиров вниманием и скрылся за носовой пристройкой. Себастьян облегчённо вздохнул и облокотился на борт.

– Не всякий парень в этом возрасте способен управлять

дирижаблем и руководить командой, – заметил Ник. – Мне показалось, что многие были бы рады видеть в начальниках Кирка.

– Молли говорит, – прогудел здоровяк, – что старпом очень уважает Амели и всегда помогает. Он обещал это старому капитану.

– Допустим. – Ник глянул на горизонт – прямо по курсу клубились неуютные тучи. – Но представь на минутку, что я, к примеру, взял и помер – а начальство поставило руководить группой такую вот пигалицу. Ты бы порадовался? Нет, Себ, я сказал «руководить», а не то, что ты себе вообразил!

Себастьян бессовестно расхохотался, Барни засопел, подбирая ответ, но ничего сказать не успел. Дверь кормовой надстройки неожиданно распахнулась, и Ник запоздало вспомнил, что именно там находится каюта капитана.

Взгляд, которым Амели окинула пассажиров, годился бы для хранения скоропортящихся продуктов.

– Освободите проход, джентльмены, – произнесла она очень ровным тоном. – Пигалице пора в рубку.

Мужчины расступились, и капитан прошествовала мимо с воистину королевским достоинством. У ведущей на лестницу двери она обернулась.

– Будьте добры, мистер Джонс, велите своим людям вернуться в каюту, надвигается шторм. И попросите мистера Джефферсона пройти в рубку, его помощь скоро понадобится, спасибо.

Капитан скрылась с глаз. Себастьян хмыкнул.

– Ну вот, теперь если она решит нас утопить, виноват будешь ты, командир.

Ник скривился и отрывисто кивнул, задавая подчинённым направление. Вышло действительно неудобно. Интересно, с какого момента она слушала разговор – и точно ли случайно? По идее, неловкость должен ощущать именно тот, кто подслушивает, однако внутри было слегка неудобно.

Отправив Гэбриэла в рубку, Ник остановился на пороге своей каюты – и всё же решился.

– Схожу, извинюсь, – буркнул он, не глядя на друзей. – Не хватало ещё, чтоб она и впрямь со злости врезалась в какую-нибудь скалу.

Не дожидаясь комментариев Себастьяна, он захлопнул дверь, развернулся и направился к лестнице.

Глава 7. Пигалица и штурвал

– В кулуарах шепчутся, что «Щит» вновь активизировался.

– Некстати, но мы же не думали всерьёз, что они ленивые идиоты?

– Иронизируешь? Тебя не было в Гренландии, когда они громили орден!

– Правильно, я был занят нашим общим делом, и посмотри, где мы? Примите контрмеры и продолжайте.

Настолько суетливые и общительные пассажиры попали на борт впервые с тех пор, как она стала капитаном. Оказывается, это крайне утомляет! Когда был жив рара, она радовалась общению с пассажирами, любила болтаться на верхней палубе, в столовой и слушать разговоры или даже узнавать что-то в интересной беседе. Теперь же она едва не скрежетала зубами – как меняется взгляд на вещи, когда ты с другой стороны. Ей решительно мешали в исполнении работы: едва села заполнять судовой журнал, как явился Льюис, расшаркивался в извинениях от мистера Джефферсона, расспрашивал о нелюбви к драконам. Неожиданностью оказалось, что Кармина разболталась. Просила потом Льюиса оставить эту беседу между ними.

– Я наговорила лишнего, но этого от того, что вы и ваша команда боретесь с преступниками-драконами. Может быть создадите отряд и для дел, подобно моему? Поверьте, это было крайне страшно. Реши он меня съесть, никто бы и не смог остановить.

– Джентльмен не болтает, – Мистер Даррел слегка обиженно вздохнул. – Я подумаю, что можно сделать среди гражданского населения.

Льюис отбыл, потом ушла и Кармина: её работа в рубке пока что окончена, и судя по разговорам за дверьми, на пути до камбуза, её подстерегал один «рыцарь». Амели не удивилась, Кармина была очаровательна и мало кто обращал внимания на её шрам, особенно когда она звонко смеялась и шутила. Легко предположить, что она заинтересует кого-то из группы. Странно, что не главаря этих драконоборцев. Кажется, такие крупные мужчины предпочитают миниатюрных весёлых девушек. Однако за Кармину не стоило волноваться, она хоть и была приветлива со всеми, но интрижек на борту не заводила и за флиртом не замечалась. Амели тряхнула головой, прогоняя непрощенные мысли. Пассажиры и пассажиры, не хуже других. Пусть хоть чем занимаются, лишь бы её не трогали и за борт не вываливались.

В одиночестве было проще сосредоточиться. Амели заполнила журнал, перебрала записи механиков, Молли и старпома о необходимых запчастях, продуктах, приходе и расходе. Сравнила данные с выполненными пунктами и уста-

ло потёрла глаза – на самые большие нужды им едва хватит, сразу нужно будет искать новый заказ, задерживать жалование нельзя. Если Анри Розье мог себе это позволить, то она нет.

После записей она проверила приборы: высоту набрали, скорость пятьдесят миль в час. «Северный ветер» не отличался особенной быстротой, да они не сильно и торопились, так что работала одна моторная гондола. Совсем скоро дирижабль остынет, и тепло от парового двигателя распространится по трубам, отапливая помещения, а сейчас рубку грело солнце. Самое время освежить память. Амели достала старый журнал отца и долго листала, пока не добралась до записей про Остров Королевы. Она настолько зачиталась, что пропустила обед. Кармина принесла ей в рубку сэндвич и стакан ягодного отвара, прошебетала что-то про мужчин, которые хотят много знать, но им не светит, покрутилась рядом и ушла, Амели едва успела сказать набитым ртом «спасибо». Что там Кармина болтала про хитрого Грега она не уяснила, поскольку слушала через слово.

Пропустила и ужин, пока смотрела на приборы и проговаривала, как они будут вести себя в магической буре. Вначале зажгутся огни святого Эльма: вдоль килевой балки под баллонами, на причальном устройстве, на носовой фигуре. Рули высоты и направления откажут, приборы высоты и скорости тоже – они будут слепы. Амели отошла в тот угол рубки, откуда наблюдала, как отец вёл дирижабль сквозь бурю, и

закрыла глаза. Перед внутренним взором призрачная фигура капитана Розье крепко держала штурвал, а старпом орал в трубы приказы для машинного отделения. А она, Амели, точно знала, что отец не ошибается, она чувствовала колебания в магической буре, как будто они шли сквозь участок спокойствия, проход между несколькими подвижными стенами. Он всё делал правильно.

– Моя детка, всё ли хорошо? – ворвался в воспоминания голос Молли. Амели от неожиданности подпрыгнула и ударилась локтем. Образы из памяти исчезли.

– Да. Я просто готовлюсь.

Грузная повариха с неожиданной для такой фигуры ловкостью огибала препятствия, – стол, кресла, – и наконец добралась до своей деточки, чтобы вручить накрытое куполообразной крышкой блюдо.

– Ужин. Негоже костями греметь под ветром. И так худая.

Амели застопорила штурвал в необходимом положении и позволила усадить себя в кресло. Молли вручила ей блюдо, достала из кармана белоснежного передника вилку. Только сейчас Амели поняла, как долго не ела и с жадностью набросилась на мясной пирог.

– Голод – лучшая приправа, – одобрительно кивнула Молли, наблюдая за ней. – Ты знаешь, солнышко, один из пассажиров очень мил. Барни, видный мужчина.

– Тот с косичкой, толстяк? – пробубнила Амели, усердно жуя.

– Не толстяк, а представительный. Да! Как живо тобой интересовался, приятно было.

Амели едва не поперхнулась:

– Мной?

– Да, всё выпрашивал что да как, только глаз с меня не сводил. Сдаётся, не для себя расспрашивал, – Молли хитренько улыбнулась, на её гладком круглом лице только так можно было заметить морщинки. – И в еде толк знает.

Для Молли это было крайне важно.

– Обо мне разнюхивает их командир, – с изрядной долей неудовольствия поняла Амели, вспоминая обрывки монолога подруги.

– Думается мне, что так, золотко. Другой его человек отирался возле команды.

– Времени зря не теряет – третий Кармину обхаживал. Интересно, что ему нужно? Моё досье есть в каждом порту, да и Льюис с ним, а он знает обо мне больше, чем официальные бумаги.

Пока она размышляла и доедала последние крошки, в рубку поднялся Кирк.

– Капитан, моя вахта, – он пристально посмотрел на неё и добавил немного мягче: – Отдохните, вид у вас утомлённый.

Амели и не заметила, как зашло солнце и в помещениях зажёгся свет.

– Спасибо, Кирк. Как дела в моторном отсеке? Дерек говорил, что один из двигателей ведёт себя странно.

Механик Дерек Симмонс, тощий невысокий парень, был самым молодым среди мужской части команды, но таким задиристым и рукастым, что никакая дедовщина его не коснулась. Амели высоко ценила его навыки, они не раз выручали.

– Пока что всё в порядке. Возможно шестерни немного истёрлись, но это нужно перебрать на земле весь двигатель, чтобы глянуть.

– Хорошо. Кирк, я перечитывала записи отца, посмотрите тоже.

Амели кивнула на раскрытые журналы, и Молли проводила её к себе, в который раз попеняв на отсутствие тёплой одежды на крючках у лестницы – так, мол, и заболеть недолго. Но Амели закалилась за время жизни на дирижабле, ветра и холод высоты бодрили и приводили в порядок мысли. На верхней палубе студёный ветер пробрался под одежду, разметал широкие штанины, растрепал волосы и вызвал улыбку. Амели не знала, что можно любить сильнее неба, она давно забыла и разлюбила жизнь на земле: в этих задыхающихся от угольного смога городах, среди сточных канав и непрекращающегося людского гомона.

Она немного постояла у перил в одиночестве – повариха не любила холод и скрылась в недрах второй палубы. Небо было чистым и звёздным – к сожалению, освещение дирижабля мешало насладиться красотой в полной мере. Амели перегнулась через борт и задорно улыбнулась: на обратном пути можно будет полетать, она давно не доставала из трю-

ма свой воздушный аппарат. Конструкцию, напоминающую соединённые крылья, когда-то купил рара, и она с первого раза влюбилась в свободу, которую даёт планирование. Наверное дело в её драконьей сути, пусть и приглушённой – ей хотелось парить словна птице. Но среди женщин с меткой нет летающих, крылья положены только Королеве.

Сон был беспокойный. Она кружила вокруг дирижабля, но впереди была буря, облака клубились, как дым от пожара, и в этой серо-чёрной завесе выступало вперёд огромное лицо. Оно искажалось гримасами, скалило рот и звало её по имени. По её настоящему, данному родителями имени.

Амели проснулась в холодном поту. Она старалась не забывать, кто она есть, но и не вспоминала об этом слишком уж часто. Всех, кого пришлось оставить. У неё были сестра, мама и бабушка, тётушки. Но это в прошлом. На часах восемь – позднее утро для неё, никто не разбудил.

Умыться, отжаться, одеться.

Крошечный шкаф не выдал Амели ничего нового, всё те же несколько пар универсальной модели юбка-штаны, незатейливые блузы и парочка пёстрых безрукавок – покупки из дальних стран. Девушка на минуту задумалась, глядя на вещи, потом закрыла шкаф. Для чего ей наряжаться вообще? Странные мысли в голову приходят. Обычный рейс, не важных шишек везут. Драконий принц не в счёт.

Драконы всегда не в счёт.

На палубе, совсем рядом с её дверью раздавались голоса. Вначале она не акцентировала внимания, но потом... Вот мерзавцы! Они же её по косточкам разбирают, да ещё в этой хамской манере! Амели прошипела под нос ругательства, самые отборные из отцовского запаса, таких даже Жаркое не знал. Крошечное зеркало без прикрас отражало её пылающее лицо.

– ...такую вот пигалицу, – невозмутимо вещал голос Доминика.

Надо же, она думала о нём лучше, а он как все! И слово-то какое уничижительное подобрал. За дверью обидно захохотали, и она в секунду разозлилась, да так, что горящие щёки мигом побелели. Ну, погодите, джентльмены!

Амели вышла на палубу, быстрым взглядом охватила небо – магическая буря накроев их самое большое через час. Смех стих, но откровенно стыдно было лишь одному толстяку – он побагровел больше обычного, хотя про неё, кажется, ничего и не говорил.

– Освободите дорогу, джентльмены, – спокойно попросила Амели, проходя мимо. – Пигалице пора в рубку.

Язык покалывали совсем другие слова, но сорваться на брань, как площадная торговка, было бы ниже её достоинства. Она и так от злости едва вспомнила про дракона, который должен настроить кристалл, и почти у лестницы попросила передать мистеру Джефферсону, что ожидает его –

очень вежливым тоном.

В спину не смеялись. Ну надо же.

Драконье высочество явился быстро, осторожно отворил дверь, принюхался.

– Кармины нет, мистер Джефферсон, – бросила Амели через плечо.

– Я бы хотел ... – он прокашлялся. – Принести извинения.

– Спасибо, мне уже передали. Мистер Даррел очень старался.

Дракон наконец закрыл дверь и как-то обречённо вздохнул.

– А вы слукавили, – с некоторой укоризной проговорил он. – На этом дирижабле когда-то гостил мой дед.

– Простите?

– Лорд Элессар, – пояснил он. – Вы знакомы?

Амели вздёрнула бровь и неразборчиво пробурчала про тесноту мира и этого судна в целом. Она смутно помнила беловолосого дракона и тот месяц после побега. Как будто жизнь разделилась на сон и явь. Проснулась уже дочерью французского воздухоплователя.

Дракон едва заметно улыбнулся, но выглядел при этом растерянным. Он осматривался с какой-то тоской, как будто хотел быть подальше от этого места. Как можно дальше.

– Вы, – осторожно уточнила она, – не в восторге от идеи

лететь на остров?

– К сожалению, да. Мы с матерью едва знаем друг друга...
– Он оборвал себя. – Давайте приступим к настройке кристалла, время поджимает.

Амели не возражала, минуты действительно утекали, как водород из прохудившегося баллона. Она подала кристалл Гэбриэлу.

– Что требуется от меня?

– Не убить всех нас, – как-то строго отозвался он, приглядываясь к приборам.

Бесцеремонный стук в дверь отвлек Амели от наблюдения. Пожаловал мужчина с богатым лексиконом, полным раздражающих слов.

– Мисс Розье... – Доминик успел цепким взглядом охватить рубку.

– Капитан Розье, – с долей удовольствия поправила Амели.

– Могу я с вами поговорить?

– Не сейчас. Настоятельно рекомендую вернуться в свою каюту и пристегнуться к койке, там есть удерживающие ремни. Трясти нас будет нещадно. Закройте за собой дверь. Спасибо.

Доминик нахмурился, желваки напряглись, но просьбу он выполнил всё же и скрылся. Гэбриэл держал кристалл в кулаке и что-то в него шептал – на продвинутые драконьи технологии это никоим образом не походило.

– В прошлый раз отец обошёлся без шаманизма, – сказала Амели.

– Возможно, у него был другой артефакт, который с приборами работал, не давал им сойти с ума. У меня такого нет, к сожалению. Мне придётся работать проводником между кристаллом и вами.

– Хм. Что ж, давайте попробуем.

Огромная туча уже закрыла обзор. Горизонт пропал, утащив за собой ощущение контроля, осталось лишь войти в шквал и продержаться до пункта назначения. Амели крикнула в трубы о готовности и вызвала Кирка.

– Я выйду на несколько минут, мистер Джефферсон. Ничего не трогайте.

Не дожидаясь ответа, она застопорила штурвал и побежала на верхнюю палубу, поймать момент, когда зажгутся огни святого Эльма. К сожалению, любимое зрелище уже началось без неё, да ещё несносный Доминик стоял у борта.

– Мистер Джонс! У вас есть чувство самосохранения?!

Ветер уже набирал силу, швырял волосы в лицо и уносил недовольные слова.

– А у вас? – парировал Доминик. – Красиво!

Он указал на огни. Свечение охватило выступающие части дирижабля, сигналив о близком ненастье. Амели против ветра дошла до Ника, встала почти вплотную, задрала голову и хорошо поставленным командным голосом отчеканила:

– В каюту. Живо.

Она училась этому специально, тренировалась перед зеркалом, но применять навык после назначения на должность капитана довелось лишь несколько раз. Первые были удачны, и этот не стал исключением: нахал насмешливо поднял брови, но к лестнице всё же развернулся.

Дирижабль тряхнуло, когда они почти спустились на вторую палубу. Доминик рухнул на пол, исхитрившись приземлиться на спину и сыграть для Амели роль подушки. Правда подушка эта оказалась набита камнями – до того жёсткое тело, – и выбила из неё дух. В каютах тоже не все удержались на ногах или на койках, стук и ругань донеслись из-за тонких стен, а с камбуза – перезвон медной посуды. По счастью, никто не выглянул в коридор.

Амели затихла и не шевелилась. Последний раз она была так близко к мужчине десять лет назад. Это был восемнадцатилетний младший механик, который противно слюнявил её губы. Правда, вся любовь у них прошла после того, как Молли застукала их в трюме: ему досталось половником, а ей – долгий разговор по душам. Добрая повариха поведала девчонке, откуда берутся дети, и всё желание целоваться в укромных местах отпало напрочь. А слюнявый герой покинул судно в следующем порту. Отец так и не узнал, почему тот уволился.

В воздухе крайне сложно завести отношения, а она всё время летала. И мужчины – последнее, что её волновало.

– Разрешите подняться, капитан? – чуть насмешливо

спросил Доминик.

Амели словно подбросило, она даже не поняла, как оказалась на ногах. Они смотрели друг на друга под аккомпанемент скрипов и стонов дирижабля. Доминик раздражающе улыбался, и от этой улыбки он из сурового командира превратился в симпатичного мужчину, как будто сквозь бороду проступило иное лицо. И глаза у него интересные, точно самое тёмное небо перед бурей.

– По норам, летучие обезьяны! – проорал невесть откуда взявшийся Жаркое и спланировал на плечо Доминика. Капитан «рыцарей» поморщился от крепкой хватки ары. Амели несколько раз открыла рот, но так ничего и не успела сказать – появился Кирк.

– Покажем пассажирам, как нужно летать? – старпом весело подмигнул Доминику. Амели развернулась на пятках и поспешила к штурвалу.

В рубке Гэбриэл напряжённо смотрел в окна. Кристалл в его руке то светился, то потухал.

– Наконец-то! – глаза дракона сверкнули зеленью.

Амели встала к штурвалу, Кирк рядом с трубами – орать приказы вниз, если нужно.

Тучи словно затягивали «Северный ветер» в свои мрачные объятия: уже не только впереди не было ничего, кроме них, но во все стороны – дирижабль вошёл в магический

фронт. Снова трянуло, уже сильнее.

– Налей богу ветра чарку покрепче, пусть наше корыто несут паруса! – похоже старпом нервничал больше капитана, раз напевал молитву.

Амели покосилась на него, но промолчала, штурвал перетянул внимание – плохо слушался.

– Что делать с вашим волшебным кристаллом, мистер Джефферсон? – спросила она, когда мгла ударилась в стёкла и растеклась тёмно-серым туманом, обтекая борта.

– Магическим... Неважно. Он должен светиться как можно дольше – это значит, что идём верно. Если моргает часто...

– ... значит неверно. Поняла.

Чего она не поняла, это как у Гэбриэла вместо правой руки появилось нечто другое, с чешуёй и когтями, мощное и почти ослепительно белое. Драконья лапа коснулась приборной панели и металл смялся, а когти погрузились внутрь цепкими якорями.

– Я в порядке, – успокоил он. – Вы должны видеть кристалл, а мне негде закрепиться.

Амели рассеянно кивнула, решив, что сейчас не время устраивать разнос за порчу имущества. Потом она с него спросит, с драконьего высочества.

Штурмгласс сошёл с ума – колба то затягивалась молочной пеленой, то покрывалась морозным узором. Другие приборы тоже не работали. Непривычно и тревожно лететь всле-

пую, совершенно не зная хотя бы высоты. Амели следила за свечением кристалла и изо всех сил удерживала штурвал – а может, сама за него держалась. Гондолу вначале ужасно мотало, Амели боялась, как бы их не оторвало от баллонов, но чуть позже ей удалось поймать направление и дирижабль уже не грозил развалиться. «Потребуется большой ремонт, – тоскливо думала она. – Не только текущий, но и обшивку, скорее всего, придётся латать». Сколько стоила трёхслойная прорезиненная ткань, она предпочитала не думать. Мысли о хозяйственной части вытеснили тревогу, она не позволит этому судну развалиться и стрясёт деньги на ремонт с Королевы. Да-да, именно с неё, ишь какая, гостей вроде бы ждёт, но двери не открывает! Могла бы и отключить свою бурю на время.

Тучи за бортом начали походить на сон Амели: зловещие, дымные. Гэбриэл стоял с закрытыми глазами, кристалл в его руке изредка моргал, но, кажется, всё было в порядке. За спиной проорали трубы – машинное отделение отчиталось, что моторные гондолы пока на месте, но нагрузка очень велика, их может оторвать. Голос Кирка показался Амели странным, но оборачиваться было некогда. Пальцы будто намертво срослись с деревом, и она никогда не сможет их разжать, плечи болели, а локти выворачивало из суставов. Но она не хотела передавать управление помощнику. Это её буря и её надежда на повышение лояльности команды.

– Самое сложное впереди, – порадовал дракон.

– Думаешь справишься, деваха? – вдруг спросил Кирк совершенно не своим голосом.

Амели обернулась: лицо старпома искривила ухмылка, а зрачки настолько расширились, что, казалось, заполнили весь глаз. В это время трубы снова заорали: кто-то из механиков впал в буйство. Старпом сменил ухмылку на сальную улыбочку и выдал:

– Может покувыркаемся, а, недотрога? Я тебе покажу, как койкой скрипеть, – и двинулся на неё.

Амели растерялась. Гэбриэл стоял будто в трансе, не реагировал, поэтому, когда огромные ручки Кирка сжались на её талии, ничего не оставалось, как закричать, но голос слился с раскатом грома. Старпом оторвал её от штурвала, а дракон так и стоял с этим проклятым кристаллом...

Дальнейшее произошло слишком быстро: штурвал резко крутанулся, пол накренился, Кирк взлетел в воздух, поднятый другой силой – Ником Джонсом. Дракон очнулся и растерянно смотрел на происходящее, кристалл в его пальцах пульсировал. Амели кое-как встала и вцепилась в штурвал, почти повисла на нём, всем своим весом помогая вернуться в нужное положение. А чуть сбоку от неё Джонс беспощадно разбивал старпому лицо, а потом зажал его шею в изгибе локтя.

В окна бились тёмные волны туч, в их глубинах вспыхивали молнии.

Гэбриэл заговорил, и это были стихи.

– Ты выполнил ли все мои приказы о буре? – негромко произнёс он, и тут же продолжил, будто отвечая сам себе: – Сделал так, как ты велел. На королевский я напал корабль; повсюду там – от носа до кормы, на палубе, и в трюме, и в каютах – я сеял ужас; пламенем взвивался на мачте, на бушприте и на реях...

Дирижабль и впрямь был охвачен огнём – сине-фиолетовые сполохи плясали по обшивке, искры вспыхивали и гасли, очерчивая сияющей сетью видимую из рубки часть баллона. Впереди, прямо по курсу полыхнула молния. Спустя мгновение накатиł грохот, вибрация пронеслась по полу и стенам, зазвенели стёкла. Гэбриэл запнулся на миг, а потом заговорил чуть громче:

– И от сверканья, грохота и дыма затрепетал в пучине сам Нептун, его трезубец грозный задрожал. И в ужасе взметнулись к небу волны!

Амели поймала себя на том, что шевелит губами. Конечно, она узнала текст – Шекспир, «Буря». Что ж, самое время.

Удивительно, но спокойный голос дракона проходил сквозь рёв непогоды за бортом, как корабль разрезает волны. Никогда ещё Амели не испытывала таких эмоций: буря снаружи, и буря внутри неё. Тёплые ладони накрыли её руки – Джонс обезвредил старпома и встал сзади, вплотную. Она лопатками чувствовала мощный стук его сердца, мужская сила помогала удерживать штурвал в повиновении, а тот всё норовил вырваться...

Ничего личного. Никаких эмоций. Он просто тоже хочет выжить.

Гэбриэл читал, Амели закрыла глаза и отдалась чувствам. Она ощущала тот коридор в магическом поле, где было относительно спокойно, и кристалл – ей больше не нужно было на него смотреть. Она слышала стон «Северного ветра» где-то в животе и понимала, что он выдержит, они дотянут. Под веками вспыхивали очертания прохода, почти как в тот, первый раз, когда они едва не разбились в тумане, но ей удалось обогнуть гору – потому что она осязала её кожей.

– И все они спаслись. Все невредимы. Даже их одежда не тронута, ни пятнышка на ней...

Дракон сделал паузу, и Амели подхватила строчкой любимой Эмили Дикинсон.

– ...Скорлупка парус подняла, как будто встала на крыло – и выплыла – на свет!

Они действительно выплыли, резко, точно буря попробовала их на зуб и выплюнула, сочтя несъедобными, в другую часть света. Здесь было солнечно, на небе ни единой тучки, и ветер больше не трепал судно, словно тряпку.

Амели выдохнула, увидев Остров Королевы, и почти упала на штурвал от облегчения. Она справилась.

Джонс сам понял, что уже не нужен, и тут же отошёл. Сзади застонал очнувшийся Кирк, спросил, что произошло, и Доминик жёстко поинтересовался у него о том же. Амели и Гэбриэл переглянулись, и, не сговариваясь, рассмея-

лись. Драконья рука исчезла, как не было, идеальная причёска растрепалась, это придавало ему вид обычного человека, с которым можно найти общие темы.

Из труб донеслось донесение о поломке одного из винтов.

– Капитан, что произошло? – Кирк наконец поднялся, но его руки были скованы, и Джонс цепко держал его за предплечье. Один глаз старпома крепко заплыл, а рубашка запачкалась кровью из разбитой губы.

– Вы набросились на меня, Кирк.

Голос не дрогнул – она могла собой гордиться.

– Скорее всего, помешательство вызвано магической бурей, – задумчиво сказал Гэбриэл, и Амели неслышно выдохнула – магия, все беды от неё. Не хотелось предполагать, что подобное может повториться.

– Я уведу его в трюм, позже будем выяснять, – в голосе Джонса не звучало ни единой эмоции, но свою жертву он держал крепко. – Капитан Розье, моё почтение.

Доминик выволок растерянного старпома из рубки, и Амели тут же забыла об обоих, разглядывая расстилающийся впереди пейзаж. Остров Королевы был как в воспоминаниях: вершины и склоны, покрытые буйной тропической зеленью, башни из светлого песчаника, тянущиеся к небу, сверкающие на солнце водопады, прекрасные даже с высоты... Отец рассказывал, что и сам дворец, и окружающие его сады великолепны. Амели ужасно хотелось самой полюбоваться на всю красоту, но в прошлый раз Королева позволи-

ла покинуть посадочную площадку лишь одному человеку.

Сейчас на борту драконий принц. Интересно, можно ли его попросить?..

Гэбриэл словно почувствовал, что она думает о нём.

– Дракон чувствует направление, даже слепой, – проговорил он, – но не всегда – в магической буре. У вас крайне сильная кровь. Откуда ваш род?

Амели помедлила. Она мало кому рассказывала о родне, наверняка Льюис разболтал... С другой стороны, буря, казалось, смыла раздражение, которое она чувствовала по отношению к дракону, а сопутствовавшие эмоции хорошенько встряхнули. Говорить хотелось – просто чтобы почувствовать себя живой и нормальной.

– Из Российской Империи. Мой дед... – Она прикусила губу.

– У моего деда четыре крыла. Чем ваш удивит? – ухмыльнулся Гэбриэл.

– У моего три головы, – вздохнула Амели. – Наш род знаменит безжалостностью и алчностью, потому люди истребили почти всех ещё много веков назад.

Драконий принц совсем не интеллигентно вытаращил глаза:

– Русские Змеи – ваш род? Н-да, не ожидал встретить. Трёхголовые исключительно редки...

Амели отвернулась, чтобы не видеть его лица.

– В детстве, – проговорила она с жёсткой усмешкой, – дед

приходил ко мне в комнату и читал сказки. О красавицах, с радостью идущих на зов змеиных царей. О разорванных в клочья богатырях. О сокровищах. О превосходстве драконьей крови. Вам таких не читали?

Он ответил не сразу, а когда Амели всё-таки подняла взгляд, лицо Гэбриэла снова стало аристократической маской.

– Я рос в приюте, – произнёс он. – Человеческом. Думаю, моя помощь вам больше не нужна, капитан. Не буду мешать.

Он развернулся и вышел, практически сбежал. Амели проводила его взглядом, чувствуя странную неловкость. Всего пару часов назад этот тип раздражал на порядок сильнее, чем все прочие пассажиры, вместе взятые, а теперь его жаль – и почему-то хочется узнать получше. У них в предках могущественные драконы, а ещё оба, как оказалось, любят поэзию.

Может, найдётся и ещё что-нибудь общее?

Амели усмехнулась, тряхнула головой, отбрасывая ненужные мысли, и повернула штурвал, осторожно направляя истерзанный бурей дирижабль к причальной мачте.

Сейчас нужно поставить точку в рейсе – всё остальное подождёт.

Глава 8. С её стороны, с его стороны

Ник сдал всё ещё заторможенного старпома на руки товарищам по команде, которых не коснулось магическое безумие, и почти бегом рванул к своей каюте. Жертвами драконьих чар стали ещё трое членов экипажа, да ещё по пути ему попалась повариха, что-то бормочущая насчёт нервов «бедной девочки» – методом исключения можно было предположить, что речь шла о метеорологе. Что, если его парни тоже поддались воздействию?..

Опасения оправдались всего на треть. Себастьян, демонстративно морщась, сидел на койке, Грег обрабатывал ссадину у него на скуле. Барни с потерянным видом топтался рядом.

– Слушай, ну я же не знал... – проныл здоровяк. – Ты же сам бросился, и я...

– Заткнись уже, – раздражённо буркнул Себастьян.

Он зашипел от очередного прикосновения ватного тампона и попытался отстраниться, за что получил подзатыльник и требование «сидеть и не дёргаться». Ник выдохнул, запер дверь и прислонился к ней плечом.

– Ну?

Говорил в основном Грег, не отрываясь от своего занятия.

Выходило, что сперва всё было тихо. Окна в каюте отсутствовали, а звуки бури сквозь слои обшивки просачивались едва-едва, не доставляя пассажирам неудобств. Сам Грег читал, Барни мурлыкал себе под нос какую-то песенку, перебирая склянки и мешочки в саквояже, а зачинщик последовавшего безобразия мирно дремал – до тех пор, пока не подскочил на койке и не выхватил револьвер.

– Взвился, как бешеный, – пожаловался здоровяк. – Я даже подумать не успел, что под руку попало, тем и врезал...

Орудием оказался саквояж с металлическими уголками. Ник оценил ссадину и покачал головой – чуть левее и выше, и лучший стрелок группы мог бы остаться без глаза.

– Да перестань уже, – пробормотал Себастьян. Он попытался осторожно ощупать лицо и снова получил по рукам.

– Слушай, я уже извинился!

– Да не должен ты извиняться. Это я... И, если честно, сам не понял, что случилось.

Ник перевёл взгляд с одного на другого.

– Мистер Джефферсон предположил, что буря могла вызывать, хм, помешательство, – проговорил он. – Старпом тоже взбесился, и ещё кое-кто. Драконья магия, судя по всему.

– Драконья, – с отвращением повторил Себастьян. – Ничего хорошего от этих тварей... Что смотришь? Ты ведь тоже их терпеть не можешь!

– Не настолько, – медленно проговорил Ник, – чтобы из-за этого бросаться на окружающих. Да и с тобой раньше та-

кого не случилось. А ну-ка, расскажи подробнее, что ты вообще думал и чувствовал перед этим... Инцидентом.

Мысль, пришедшая ему в голову, выглядела вполне логичной. Сперва он предположил, что буря действовала только на людей, а Амели и Гэбриэла защищала драконья кровь. О себе в пылу драки думать было некогда, но в том, что в его предках были летучие ящерицы, Ник крепко сомневался. Да и в экипаже воздействию поддались не все – возможно, лишь те, кто особенно не любил драконов. Вполне разумно поставить магическую защиту от потенциальных врагов, позволяя пройти друзьям, даже тем, что явились без приглашения.

Себастьян открыл было рот, но почти сразу передумал говорить. Ущипнул переносицу и прикрыл глаза, как делал всегда, когда хотел получше сосредоточиться.

– Холод, – медленно проговорил он после паузы. – Сперва стало зябко, но так, будто изнутри. И страшно – словно мы уже падаем, только не знаем об этом и никто нам не говорит. И голоса... Мне показалось, что за стеной бегают и кричат. И я... Разозлился, потому что из-за проблем этих долбанных тварей нас сюда понесло. Мне показалось, что я их ненавижу, что готов убить первого, который попадётся на глаза... А потом...

Он умолк и смущённо хмыкнул. Ник, подождав немного, уточнил:

– Тебе показалось, что Барни – дракон?

– Нет, – еле слышно отозвался Себастьян и попытался

усмехнуться, но выглядело это жалко. – Глупо так. Он, когда поёт, всегда фальшивит. Раздражает, но... – Он поднял голову, чтобы посмотреть на Барни, который выглядел несколько уязвлённым. – А ещё ты путаешь слова. Но я не планировал тебя убивать, вот честно...

– До сегодняшнего дня, – педантично уточнил Грег.

Себастьян явно хотел возразить, но лишь вздохнул.

– Извини, – сказал он и протянул Барни руку. Тот, чуть поколебавшись, её пожал. – И все... Извините. – Он всё-таки улыбнулся. – Хорошо иметь рядом надёжных друзей, способных без колебаний двинуть в морду.

– И хорошо, что эта дрянь подействовала только на тебя, – задумчиво проговорил Ник.

Для полноты картины следовало опросить и других пострадавших, но реконструировать примерную схему уже получалось. Сперва – напугать, чтобы незваные гости сами повернули. С большинством это наверняка работало, недаром другие капитаны отказывались посещать заповедный остров – а ведь должны были быть желающие попробовать, контакты с драконьей Королевой весьма полезны для карьеры! Тем, кто сумел преодолеть страх, приходилось бороться с более сильными эмоциями, а может – Ник вспомнил старпома, – и с затаёнными желаниями. Подавленными, но иногда всплывающими на поверхность...

Он попытался припомнить собственные ощущения в пиковый момент бури. Почему он не вернулся в каюту? Кажет-

ся, самой логичной выглядела причина о том, чтобы при-
смотреть за драконом – но об этом он мог сказать честно и
вслух, а не прятаться за дверью, пока не услышал крик. А
вот о том, что не доверяет капитану, говорить не хотелось.

Особо сильных чувств Ник всё же не припоминал, как и
упомянутых Себастьяном холода и страха. Да и после, помо-
гая капитану справиться со штурвалом, он был вполне адек-
ватен. Но хорошо, что в самый ответственный момент на-
шлось, кому можно набить морду.

И всё же нужно будет побеседовать с мадемуазель Розье.
Тонкие девичьи руки определённо не годились для тяжёлой
физической работы, но она сумела провести их сквозь бурю,
и сама не поддалась чарам. Пожалуй, он был готов признать
её профессионализм – и свои ошибки. Люди любят, когда
перед ними извиняются. Что ж, он не гордый.

Ник отдал распоряжение готовиться к высадке и в кото-
рый раз за день отправился искать капитана.

На Остров Королевы дирижабли по очевидным причинам
залетали редко, и посадочная площадка состояла из участ-
ка земли засыпанной белым песком, и одинокой мачты с уз-
кой платформой почти на самом верху. Там Ник и обнару-
жил капитана – Амели стояла у края, опершись на перила, и
вглядывалась в залитый солнцем пейзаж.

– Вы успели пообщаться с Кирком?

Она, не оборачиваясь, пожала плечами.

– Он говорит, что ничего не помнит. Сидит в трюме, материт драконов и их магию, уверяет, что в прошлый раз ничего такого не было, а так он бы никогда и ни за что, даже в мыслях не было.

Ник помедлил и уточнил:

– Вы ему верите?

– Про мысли? Вряд ли мужчинам можно доверять в этом вопросе. Впрочем, большинство всё же держит руки при себе – а некоторые, особо выдающиеся, и мнение тоже.

Веселье в её голосе казалось искусственным. Он подошёл ближе, встал рядом.

– Я должен извиниться...

– Что вы, – перебила она. – Вы ничего мне не должны. Только вторую часть оплаты, у меня ведь хватило умений, чтобы доставить вас на остров. Неплохо для пигалицы, как думаете?

– Неплохо даже для опытного капитана, и я прошу прощения за то, что недооценил вас. Со слов Кирка я понял, что вообще мало кто решается на такое путешествие, а вы и решились, и прошли. Это заслуживает уважения, и в вашем случае – особенно.

Амели резко повернулась и поймала его взгляд.

– Что же такого особенного в моём случае, интересно?

Такой резкой реакции Ник не ожидал. Ему отчего-то казалось, что девчонке польстит сравнение с опытным капита-

ном, но взгляд её не был дружелюбным.

– Пожалуй, от большинства знакомых мне капитанов вы отличаетесь по двум пунктам, – проговорил он. – Вы молоды, и вы – женщина.

– Какое страшное обвинение, – процедила она.

Ник на миг заколебался. Возможно, стоило свести разговор к шутке, тем более что для Амели эта тема явно была болезненной. Он легко мог представить её чувства – ему было всего шестнадцать, когда Льюис приволок его на базу «Чёрных рыцарей». Угрюмый, диковатый мальчишка, всю жизнь работавший в конюшне, не вызывал даже интереса, не то что уважения. Пришлось многому научиться и немало поработать, прежде чем опытные бойцы и разведчики стали воспринимать его серьёзно. Но он был мужчиной, и даже в юности обладал немалым ростом, силой и ловкостью, чтобы выполнять тяжёлую работу и день за днём выживать, менять себя, выворачивать наизнанку и не ломаться в процессе. Если бы он родился девчонкой...

Нет, такой судьбы он не желал ни одной женщине.

С другой стороны, вряд ли жизнь Амели была намного легче.

– Не обвинение – констатация факта, – проговорил он. – Для того, чтобы руководить людьми, нужен обширный жизненный опыт, знания, которые невозможно получить даже в лучших университетах. Можно быть отличным специалистом – и вы продемонстрировали, что действительно разби-

раетесь в деле. Однако специалистов на борту много, и куда проще было бы вызвать их уважение и повиновение, будь вы лет на десять постарше. Не говоря уже о людях, которые видят вас впервые в жизни – и, как говорится, судят по одежке.

Амели раздражённо дёрнула уголком рта.

– Я была бы счастлива, проживи отец эти десять лет – но ни меня, ни его никто не спрашивал. О том, кем я хотела родиться, не спрашивали тоже.

– Разумеется – но зато вы сами спросили меня о разнице. Я могу не продолжать.

– Нет уж, – она скривилась и снова отвернулась к пейзажу. – Начали – так говорите. Чем же плохо то, что я женщина?

Перед глазами невольно всплыл образ, который он давно и успешно отгонял от себя. Стефани, его бывшая невеста, обожала говорить о правах женщин и о мужчинах, которые эти права бессовестно ущемляют. Ах, как горячо она говорила о том, что замужество – удел глупых домашних куриц, не способных мыслить и трудиться на благо общества, как резко обличала тех, кто выбирает жизнь бесполезной содержания, не смеющей и слова сказать против мнения мужа! Он был молод и влюблён, он был готов предоставить ей все права мира за один благосклонный взгляд, и он почти год добивался, чтобы она сказала «да» и приняла то кольцо. Он гордился ею и восхищался, хотя, на свою беду, не слишком-то интересовался деятельностью всех этих комитетов...

А потом она сбежала с тем аристократом – тот совсем не разбирался в правах женщин, зато имел богатое поместье, какие-то акции и фабрику, а ещё желал иметь ко всему этому красивую жену. Почему-то это не показалось ей оскорбительным, хотя, возможно, мужчина, способный по воле супруги спонсировать комитеты и благотворительные акции, не такой уж угнетатель.

Он тряхнул головой и заставил себя вспомнить хрупкий девичий силуэт на фоне грозового неба, подсвеченный мистическим сиянием огней святого Эльма. Вспомнил собственные сомнения, взбесившегося старпома, частично обернувшегося дракона, упрямый штурвал. Внутренней силы Амели, безусловно, хватало, и работу свою она выполняла на совесть, не тратя время на праздную болтовню, как Стефани и её подружки. И всё же...

– Вы взялись за мужскую работу, тяжёлую и опасную. Есть дела, которые должны выполнять мужчины – в том числе для того, чтобы их не приходилось делать женщинам. – Он поймал её взгляд, возмущённый и злой, и поспешно поднял руки: – Поверьте, мне встречались особы, способные руководить и, при необходимости, силой доказывать своё главенство, но они сталкивались с теми же проблемами, что и вы. Конечно, вы производите впечатление человека умного, целеустремлённого и отважного. – Он немного подождал, но комплимент цели снова не достиг. – И вы наверняка уже в курсе, что мы имели смелость расспросить экипаж – о вас

отзываются уважительно, и это немалая заслуга. Но командовать мужчинами – это определённо не ваше, и мир должен сильно измениться, прежде чем капитана-женщину смогут воспринимать всерьёз. Я посоветовал бы вам на правах владелицы судна назначить капитаном кого-то другого, и...

– Выйти замуж?

Она произнесла это с таким отвращением, что Ник снова вспомнил Стефани. Но он много лет и душевных сил потратил на то, чтобы перестать считать всех встречных женщин хитрыми корыстолюбивыми интриганками. Да, было время, когда он хотел семейного уюта и был готов обеспечить любимую женщину всем, что она пожелает, взамен на надёжную гавань, в которую он мог бы возвращаться. Два человека, ставшие одним целым, готовые поддерживать и дополнять друг друга, быть вместе против всего мира, беречь разожжённый однажды огонь...

Прекрасный образ – но одному, пожалуй, проще. И вряд ли он мог осуждать тех, кто разделял это мнение.

– Заняться делом, которое вам больше по душе – и по силам.

Амели снова отвернулась и стиснула перила – Нику показалось, что у неё дрожат пальцы.

– У меня уже есть дело, – бросила она через плечо. – И я вполне с ним справляюсь – вы ведь сами сказали, что моя команда меня уважает, а на мнение прочих мне плевать. Мир должен измениться, и если у меня есть шанс повлиять на это,

я не стану прятаться и буду гордиться, если за мной пойдут другие. Да, это непросто – но, знаете ли, женщины намного меньше отличаются от мужчин, чем вам кажется. И далеко не в худшую сторону.

– Но различий больше, чем кажется вам, – парировал Ник. Пальцы Амели побелели.

– О, да, – медленно проговорила она. – Но большинство различий почему-то сводится к тому, что женщины слабее – и потому должны подчиняться.

Она резко развернулась и прошла мимо, задев его плечом. Ник не стал оборачиваться ей вслед, шагнул вперёд и положил ладони на перила, ещё хранящие тепло её рук.

Видит небо, он не хотел её обидеть. Лишь объяснить, насколько неуместной выглядела хрупкая фигурка там, в рубке, особенно в сравнении с медвежьей фигурой старпома. Что, если бы его не оказалось рядом? Что, если бы Гэбриэла снова накрыло – и он ведь даже не попытался ей помочь! Она любила небо, она считала себя ответственной за этот грешный дирижабль – но рядом не было никого, способного поддержать её и защитить...

В ту ночь, вспомнил он, тоже была гроза.

Ник был совсем ребёнком, когда его отец вместе со своим барином решил на переезд из Российской Империи за океан. Александр Кондратьев привёз с собой престарелую мать, младших сестёр и всех крестьян, которые пожелали новой жизни. Андрей Иванов, отец Ника, был одним из самых до-

веренных и преданных его людей...

Пока не умер. Говорили, что виновато сердце.

Кондратьев, по мнению многих, был хорошим хозяином. О людях он заботился, те отвечали ему взаимностью, и дело процветало. Старая барыня, не желавшая скучать за рукоделием, организовала на чужой земле школу для детей русских эмигрантов, требовала, чтобы вся прислуга, не говоря уж о внучках, непременно знала русский язык и историю, и Нику было забавно наблюдать за мальчишками-неграми, заучивающими незнакомые слова.

Кондратьев женился на Анастасии Змиевой, и та родила ему троих дочерей. Её отец, говорят, мечтал о внуках, но последние роды подорвали здоровье Анастасии, и он сосредоточился на внучках, лично подбирая им женихов.

Старшая умерла в родах, когда младшей было всего пять.

Когда ей исполнилось десять, Кондратьев погиб при странных обстоятельствах.

Ник помнил, как незадолго до этого барин ругался с тестем – кажется, речь шла как раз о последней незамужней дочери. После скандала Змиев вылетел из дому как ошпаренный, ругаясь, на чём свет стоит, и не появлялся целый месяц.

После говорили, что лошадь испугалась, понесла и сбросила хозяина, а потом ещё и проломил голову копытом. Ник не верил – Александр был прекрасным наездником, но кому было дело до мнения мальчишки. А через день после по-

хорон Змиев явился в поместье – чтобы остаться там навсегда и навести свои порядки. Ни Анастасия, ни старая барыня Лизавета Григорьевна, ни младшие сёстры Кондратьева не сумели возразить.

А ещё через пару месяцев...

Ник скрипнул зубами. Барыня Лизавета Григорьевна называла его Николенькой, учила грамоте и французскому – тот давался плохо, но кое-что всё же запомнилось. Барин же звал его на местный манер Ником и ценил, кажется, не меньше, чем отца, приговаривая, что французский – ерунда, а вот такого человека, чтоб лошадей понимал, нужно беречь.

Доминик Джонс мало что мог сделать для этих людей, которые давно умерли. Но они слишком много сделали для него, чтобы он не попытался хоть как-то помочь этой девочке – даже если она будет против.

Даже если она его не помнит.

Глава 9. О галлюцинациях

– Ты получил донесение?

– Да. На такую удачу мы не могли и рассчитывать! Нельзя упустить момент.

Не думать об этом надменном болване!

Мужская работа. Поставьте капитаном другого. Подите замуж!

Почему люди так любят рассказывать ей, как жить? Почему всем есть дело?

Лучше бы он молчал. Она была так благодарна за помощь в полёте, даже согрелась в его нечаянном объятии и почувствовала ненадолго, всего на затянувшийся миг, будто может на кого-то надеяться. Он помогал ей без вопросов и отошёл, когда стал не нужен. Это было так... правильно. Но что бы он ни говорил, как бы ни извинялся, она для него останется пигалицей не на своём месте. И снова разочарование. Неужели так будет всегда? И почему вдруг мнение какого-то пассажира настолько важно для неё и так сильно задевает?

Амели потёрла дрожащие от негодования руки, вздохнула и бросила все силы на текущие дела.

Для начала выслушала отчёт механиков о проблемах: чудом ничего не оторвало, в ремонте нуждается один из вин-

тов и совершенно точно необходимо подтянуть и затянуть всё, что подтягивается и затягивается. Обшивка баллонов вопреки прогнозам не сильно пострадала, всё решается без длительной стоянки в дорогостоящем эллинге. Тут мистер Джонс мог быть доволен – она не бралась не за своё дело, поломками судна занимались мужчины. Им за это платят, в конце концов. Пришлось приземляться, текущий ремонт невозможно было сделать, будучи пришвартованными к мачте с платформой.

– Капитан, мне необходимо выгрузить автомобиль, это подарок для Её Величества, – Льюис подкрался так незаметно, что она подскочила. – Прошу простить, не хотел напугать.

Амели выгнула бровь, но проглотила вопрос, на кой чёрт автомобиль на небольшом острове, где даже нет дорог.

– Королева любит интересные вещи, созданные людьми. Она, как я слышал, обсуждает их с русалками.

– Русалками? – на сей раз удивление прорвалось вопросом.

Он с довольным видом улыбнулся.

– Да. Мало кто знает – Королеву вырастили русалки.

– Пожалуй, если вы скажете мне, что она держит кентавров при дворе, я уже не удивлюсь.

– Чего нет, того нет, – подмигнул мистер Даррел и поспешил вниз, проконтролировать процесс выгрузки чуда человеческой мысли – автомобиля.

– Русалки, – фыркнула себе под нос Амели. – Быть того

не может!

И уточнить не у кого, драконий принц засел в своей каюте и носа не показывал.

С верхней палубы она наблюдала суету: молчаливая причальная команда острова помогала Даррелу и его «рыцарям» выкатывать машину. Блестящий металл бликовал на солнце, откиннутая крыша демонстрировала кожаные сиденья. Интересно было бы прокатиться на таком. Может, это как полёт?

По правде, на острове всё словно парило, почти не касаясь земли и травы. Амели осматривалась, накладывала новые воспоминания на старые, истёршиеся. Дворец Королевы, огромный комплекс башен и ротонд с песочного цвета стенами и зелёными крышами, стоял на краю плато – оттуда, должно быть, неплохой вид на долину. Интересно, если здесь жить, в самой высокой точке дворца, на вершине узкой башни, можно почувствовать себя принцессой?

От посадочной площадки тянулась вдаль неширокая дорожка из светлого камня. Амели до зубовного скрежета захотелось протопать по ней прямо во дворец и задать Королеве несколько резких вопросов. Она выдохнула и постаралась успокоиться, отец был счастлив посетить это место, долго вспоминал, какая честь ему выпала, но Амели сомневалась именно в чести. У англичан тоже есть королева – да пол-Европы имеет монархов, и в Российской империи цари, с чего драконья королева самая интересная? В целом, конечно, пусть себе венчают головы коронами и правят, ей больше по

душе небо и свобода. И ругаться, она, конечно, не станет, чтобы не порочить светлую память рара...

От мыслей о сказочном и раздражающем её отвлѣк противный крик попугая, спикировавшего на Ника – этот невыносимый тип явно пришѣлся по вкусу хамоватой птице. Амели мстительно хмыкнула, наблюдая, как командир «рыцарей» пытается стряхнуть с плеча пернатого нахала, хотя и не слишком настойчиво. За смешком пришла досада – раньше Жаркое позволял себе такие вольности только со своим хозяином, Анри Розье.

А впрочем, эти двое друг друга стоили.

С прошлого раза Амели помнила, что за Льюисом пришли из дворца не так чтобы быстро – они тут вообще негостеприимные, – но всё равно то и дело поглядывала на дорожку. Хозяева принимать гостей не торопились, зато она снова едва не подпрыгнула, когда подошла Молли.

– Золотко, в столовой ждут тебя. А правда, что Кирк?..

– Правда. – Амели взяла повариху под руку и повела за собой. – Мне пригодится твоя поварѣшка.

– Мерзавец, я ему задам! Будет жрать после всех со дна кастрюли!

Амели искренне улыбнулась. Разговор с сошедшими во время полѣта с ума членами экипажа предстоял серьёзный – это о безопасности не только её как женщины, как капитана, но и всей команды.

Трое мужчин и девушка.

Старпом, механик Симмонс, матрос Рори Грант – мистер сальные волосы, как называла его про себя Амели за неопрятность, – и Кармина.

Амели понятия не имела, что ей говорить. На самом деле, ей хотелось кричать в свалывшуюся до каменного состояния подушку.

Как начать разговор? Уважаемые? Дорогие?..

– Чтоб вас в галюн засосало! Какого дьявола вы творили?! – неожиданно для самой себя рывкнула она с порога вместо любезностей. Как будто это была не она, а отец её голосом вопрошал с команды за провинность. Его любимое выражение.

Отмывшийся и переодетый Кирк опустил голову, пряча разбитое лицо, и уставился в пол. Кармина вытаращила глаза от неожиданности – Амели никогда не повышала голос настолько. Тихий матрос Рори пожал плечами, зато взвился Дерек.

– Капитан! Не виноват, рассудок помутился. Я ж как в тумане по моторному отсеку бродил, смотрю, а на меня медведь прёт! Ну я и вдарил, чем под руку попало. Оказалось, то не медведь. Ну, потом, когда прочухался, понял.

– А я в кабаке был, пьян и весел, песни пел, – снова пожал плечами матрос, на прыщавом лице не отразилось никакого особенного переживания.

– А ты? – вздёрнула бровь Амели, рассматривая Кармину. С виду ничего не изменилось.

– Я кашу варила, – тихо сказала девушка.

– Детскую, протёртую, – печально добавила Молли.

– Гх-м, – не нашлась с ответом Амели. – Все попавшие под влияние магической бури должны оставаться на судне. Запрещено сходить на этот треклятый остров, валяться на травке и ловить букашек до тех пор, пока клятые драконы не подтвердят, что это всё из-за них, и не расскажут, как с вами быть дальше. Ясно?

– Да, кэп, – ответил нестройный хор.

– Ремонтируйте пока, что нужно. – Амели развернулась на пятках и вышла.

Молли догнала в коридоре.

– Бедная девочка, – протянула она, и Амели не нужно было спрашивать, о ком речь. – Не может быть запросто так, помяни моё слово.

– У Кармины нет мужа и детей.

– Глупышка, не обязательно иметь мужа, чтобы был ребёночек.

– Да с чего ты взяла? Мы сколько её знаем? Ни слова, ни полслова. Подобное не утаишь.

– С такой любовью готовить и напевать...

Грустная улыбка не сходила с лица поварихи. Амели тряхнула головой, отгоняя набежавшие предположения одного другого краше. Напридумывать можно что угодно, но всегда лучше прямо спросить. Кармина выглядела такой растерянной, по ней видно, что она сама не понимала, что делала.

Молли отстала со своими пророчествами и скрылась на камбузе: любой приём пищи должен быть по расписанию, даже если поломка или нештатная ситуация. Мимо Амели тихо просочились наказанные члены экипажа, каждый по своим делам. Кармина даже не взглянула на неё, задумчивая и отрешённая, прошла к себе.

Стоило ей скрыться, в коридоре появился Гэбриэл. Выглядел так, будто у него в каюте прислуга: на тёмно-серой ткани костюма ни единой лишней складочки, белоснежные манжеты едва ли не светятся. Дополняли наряд тонкая чёрная трость – на набалдашнике блеснули серебром драконьи крылья, – и блестящий цилиндр. Гэбриэл слегка наклонил голову в приветствии и удалился. Амели, ни слова не говоря, последовала за ним, отмечая напряжённую спину, на которой идеально ровно лежали собранные в хвост волосы и концы чёрной атласной ленты.

В машинном отделении механик и старпом затягивали болты огромными ключами, смачно матерились и не обратили на капитана никакого внимания. Снаружи старший механик и Дерек разбирали повреждённый бурей винт. Пассажиры во главе с Льюисом по-прежнему возились возле автомобиля, точно дети малые вокруг игрушки.

И на дороге ведущей к замку наконец появилась фигурка. Девушка под зонтиком от солнца неторопливо направлялась к ним.

Льюис тоже заметил гостью.

– Кажется, по наши души идут, – пробормотал он, вынимая из кармана жилета крошечную подзорную трубу. Присмотревшись, он весь словно расцвёл: – Ба, да это же Джинни! Давно её не видел. А уж её отец и подавно, одни лишь письма получает. Гэбриэл, ты помнишь Джинни?

Лицо Гэбриэла выглядело вырезанным из камня, даже по сравнению с обычной аристократической отрешённостью. Он молча кивнул, потом чуть повернул голову – тень от полей цилиндра упала на глаза, но Амели померещилось мелькнувшее в них выражение досады. Проследив за его взглядом она увидела на верхней палубе Кармину. Пару мгновений дракон поколебался, потом отвернулся и первым шагнул в сторону дворца.

– Пойдёмте, господа, встретим мисс Лесли.

Вот уж действительно, бежал от Кармины как от рыцаря с копьём. Хотя не похоже, что он рад видеть эту «Джинни»... Да какая ей разница.

Амели не звали, но она шла позади мужчин с твёрдым намерением добиться аудиенции Королевы и прямо высказать свои мысли. Доминик пару раз оглянулся на неё, но всякий раз Льюис его дёргал какими-то странными обсуждениями про неких солдат по имени Железный Арни и Сильвестр. Мол, этим двоим нужно пополнение и неплохо бы выбить на это бюджет. По суровому лицу бывшего пассажира сложно было что-то прочесть, но Амели казалось, что он хочет поговорить. Хотя, возможно, он просто недоумевал, зачем это

пигалица увязалась за серьёзными людьми.

Незнакомка остановилась и улыбнулась вполне любезно, хотя и холодновато. Это оказалась девица лет двадцати, не особенно красивая: большой рот, узкое бледное личико – слой пудры не скрывал веснушек на щеках. Рыжие, жёсткие на вид волосы, были уложены в строгую причёску, руки в кружевных перчатках лежали на рукояти белого кружевного же зонтика.

– Добрый день, господа и... – Она на миг запнулась. Амели поймала на себе оценивающий взгляд и вздёрнула подбородок, готовая дать отпор, но улыбка секретаря не изменилась, осталась такой же приветливой. – И вы, мисс. Меня зовут Вирджиния Лесли, я – секретарь Её Величества Королевы Кэтрин Лучезарной.

Амели в свою очередь оглядела девушку с ног до головы. Среднего роста, худенькая – таким корсет лишь для вида нужен, чтобы одежда сидела. Серо-голубая блуза со стоячим воротником украшена жемчужными пуговицами и пышными оборками на груди, скрывающими отсутствие природных выпуклостей. Турниор на тёмно-синей юбке, кажется, даже с бантом, явно служил для тех же целей.

Амели едва сдержала смешок. Уж она-то никогда не носила этих юбок, делавших зад неестественно объёмным. Подумать только – привязывать на мягкое место подушку! У некоторых дам туда можно поднос поставить, и он не упадёт.

– Джинни, к чему формальности! – Льюис попытался про-

вернуть свой пресловутый фокус с целованием ручки, но девушка отступила и сделала вид, что ей сложно удержать зонтик. Амели взяла на вооружение этот приём.

– Мистер Даррел, я на работе, прошу вас, – она строго сдвинула брови. Затем перевела взгляд на Гэбриэла и вдруг опять улыбнулась, но совсем иначе. – Мистер Джефферсон, Её Величество будет счастлива вас видеть. Вы так редко посещаете нас...

Какая это была улыбка! Амели поразилась преобразению веснушчатого лица. Большой рот оказался не недостатком, а скрытым на виду достоинством. Такие улыбки как солнце прорывающее плотную завесу туч, она осветило лицо девушки и сделала его совершенно иным, прекрасным. Один из «рыцарей» даже тихо присвистнул – тот, кто вёл себя наглее всех.

– Дела, мисс Лесли.

Тон Гэбриэла звучал ужасно скучно. Улыбка секретаря потускнела. Девушка глянула на дирижабль, потом склонила голову к плечу.

– Могу я поинтересоваться, почему вы прорывались сквозь бурю? У вас есть кристалл для портала, вы могли бы использовать его и взять у меня специальный амулет для безопасного прохода дирижабля, раз уж вы посчитали важным привести сюда гостей. Мы, признаться, удивились, что вы решились на такой риск. Королева думала, что кто-то упрямый попал в магическое поле случайно.

Амели невольно ахнула. Что она сказала? Специальный амулет?!

Взгляды скрестились на Гэбриэле. Дракон старался держать себя в руках, но сквозь аристократическую маску прорывались смущение, растерянность и досада.

– Я... Я не знал, что нужно так сделать. Я не так часто здесь бываю, чтобы...

Он умолк, и взгляд его показался Амели виноватым. Она медленно вздохнула, обернулась на свой потрёпанный дирижабль и сжала зубы. «Не при людях, не при людях», – повторяла она про себя. Ей хотелось орать. Совместное прохождение бури их немного сблизило, показало дракона с другой стороны, с хорошей стороны, но вот в эту минуту он вызывал в ней гнев куда больший, чем при знакомстве.

Он. Не. Знал.

Он не знал!

А им теперь латать поломки.

Надо будет сказать Кирку, чтобы переписал контракт на перевозку. Добавить пункты материальной ответственности – специально для рассеянных драконов.

Льюис громко откашлялся, явно пытаясь перетянуть на себя внимание и разрядить обстановку.

– Я тоже не так часто попадаю на остров, в основном, конечно, пользуюсь порталами. С мистером Розье, прошлым капитаном, мы тоже прорывались сквозь бурю. Я и не подумал, что можно иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.